

Александра Романова
Контактная импровизация

«Геликон Плюс»

2013

Романова А.

Контактная импровизация / А. Романова — «Геликон Плюс»,
2013

«Контактная импровизация» завершает трилогию Александры Романовой. Героиня возвращается в родной и сложный Питер, чтобы понять смысл городского пространства, уличного искусства и жизни. Агрессивной идеологии группы «Война» она противопоставляет странную и ускользающую красоту группы «Мир». Живопись, танец, перформанс и поиск героя – все сплелось в нереальной реальности.

Содержание

*****	6
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Александра Романова

Контактная импровизация

© Романова А., текст, 2013.

© «Геликон Плюс», оформление, 2013.

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

*Друзьям,
которые видят меня настоящей.*

Дважды пыталась выразить скорбь собственной души по поводу отсутствия вдохновения, и дважды мой компьютер отказывался сотрудничать на одном и том же тоскливом слове «ничего». Он промигивался и рушился в темноту, правда, минуты через две опять включался и преданно смотрел мне в глаза невинным вопросом: «Сменить пользователя?» Подумалось, что это знак и, значит, писать не надо. Раньше вообще не стояло такой проблемы, я не задумывалась над тем, что мне нужно что-то сделать: написать, сочинить, нарисовать, придумать – это просто рождалось, и я испытывала бесконечную радость. И в этом была полная свобода. Все изменилось внезапно, мгновенно и необратимо. Теперь каждый встретивший меня считает своим первейшим долгом поинтересоваться о новинках моего творчества. И когда я отвечаю, что нет новинок этих, что от клавиатуры меня трясет мелкой дрожью, а краски осточертели, как и буквы, то вижу в глазах разочарование, осуждение и упрек. И от этого так нехорошо... Муторно мне от этого. А кому я чем обязана?

Внезапно выяснилось, что многим. У меня появился издатель. Хорошо же – издатель, так гордо звучит, по-взрослому. Я всю жизнь писала для себя, а теперь для народа, поэтому сразу за первой книжкой должна появиться вторая, а за второй третья, и так по списку, не позже чем через полгода, а хорошо бы и раньше, чтобы уже очень любящие меня читатели обо мне ненароком не забыли и не переключились на других, не менее прекрасных писателей. Это бы еще полбеды, но вдобавок к издателю у меня появились галеристы, два одновременно и в разных городах. Один к другому ревновал страшной ревностью, и каждый хотел получить себе все, что бы я ни написала, потому что они жили на то, что я создавала, а хотели жить все лучше и лучше, и удовлетворить их жажду наживы по средствам искусства я никак не могла.

Наверное, поэтому даже у компьютера вылетели последние мозги. Прибавить к этому тот факт, что я крайне безболезненно и незаметно рассталась с мужчиной, который имел обыкновение приходить ко мне в гости раз или два в неделю, но в последнее время вместо чудесных объятий все больше обсуждал мой пустой холодильник и такой же взгляд, – и мы получим, что повеситься надо было еще вчера.

Издателя отослать в даль невозможно. Человек он уважаемый, мной нежно любимый, талантливый писатель и волшебный редактор. Найти его было подарком судьбы, а потерять будет самой большой тупостью. Но о чем писать, если все хорошее и яркое уже описано, нового не нажито, а жизнь в данный момент похожа скорее на суп из шпината с неизбежной горчинкой и без сливок. И закончились в арсенале восклицательные знаки, и эмоции взяли бессрочный отпуск, а последняя давняя любовь оставила после себя невычеркнутый штамп в паспорте и шлейф ненужных связей, которыми я пыталась замазать любовную болячку. На бумажке, маленькой и строгой (в клеточку), пишу напомуналку: «Зайти в суд, забрать документы и сходить в загс». По паспорту я все еще замужем, а развели нас год назад.

Накатило отчаянием, пошла ставить чайник. Нет никакого смысла пытаться выудить из подсознания идею-шедевр. У меня не то что любовного романа, любовного рассказа за всю жизнь не родилось. Мужчины постоянно были второстепенными персонажами, а в картинах так и просто стаффажем. Женских портретов еще наберется десятков, а мужские только шаржи... Задумалась еще глубже. Заварила вместо чая кофе, помешала, засыпала сахаром, вернулась к столу. Ну невыносимо же! Как на эшафот. Вот как представлю, что надо сейчас выстукивать смысловую чечетку, так руки судорогой сводит.

Прохожу мимо стола прямо к окну, не глядя, ставлю чашку, чтобы даже краем глаза не задеть ни одного листа бумаги, ни монитора, ни клавиатуры. За окном стандартный питерский недоснег передождь. Дорожные рабочие ищут люки в только вчера положенном асфальте. Вот напишу про разгильдяйство и бессмысленность бытия, раскрою всему миру глаза на катастро-

фическое положение русского человека, на взяточничество и казнокрадство, на нелегальную рабочую силу, на... Неужели исписалась так рано и так бесповоротно, что готова скатиться в дешевый журналистский пафос?

Пью кофе, всматриваясь в окна дома напротив. Чуть левее у меня Дом культуры имени некоего Шелгунова, за все время, что я живу на улице Шамшева, я так и не удосужилась выяснить, кто такие Шамшев и Шелгунов, родственники они или только однофамильцы. Может, это сюжет для рассказа, а кто знает, не перерастет ли он в повесть, да в целый роман о героях прошлого. Они прорубали лед, они взрывали танки, они открывали неизведанные земли, они первыми возвестили миру о праве на свободную любовь...

Нет, не стоит. Абсурдно, но не гениально. Эдакий постмодернизм ларечного разлива. Могу фантазировать, не сходя с этого места, воображать ничем не ограниченное количество сюжетов, но каждый из них мне противен заранее. Он и она любят друг друга. Отсюда всегда несколько стрелок: они умрут, он умрет или уйдет, или это сделает она, а в конце они встретятся или не встретятся. Издатель очень просил вставить в новую книгу любовную сцену, чтобы на столе, чтобы в подробностях. Говорит, что я слишком приличная, что меня портит хорошее воспитание. Замечательно, вот я с этого и начну, все нормальные люди, открыв книгу, тут же ее и закроют, а всякая охочая до обнаженной лирики публика разочарованно закроет книгу сразу после, потому что постоянно писать про «возбужденную плоть, которая колыхалась между ее взволнованными холмами» я не смогу. Конечно, у нас всегда есть путь театра абсурда, но начать абсурдом просто, а закончить высокой философией гораздо сложнее. Промелькнула еще шальная мысль сочинить эпическое произведение про самых страшных и противоречивых диктаторов XX века, которые столкнулись лицом к лицу. Сталин, Гитлер и Мао... но написать не реальный роман, а фантастический, словно они с детства знакомы, словно все дела совершали друг для друга. Два поэта и художник... Это просто пахнет Нобелевской премией, но, пожалуй, мне не потянуть такой мощной вещи. Отложу на будущее.

И как назло никто не звонит. Ни одного письма, все социальные сети оставили меня в полном покое, три дня назад доделала картину и оправила по пути великого будущего через багетную мастерскую в галерею, и не на что мне отвлечься. Нет, вполне возможный вариант – это выйти на улицу и смотреть, наблюдать. Вот она, жизнь, прямо под ногами, она пульсирует, она говорит со мной. Но так я делала вчера, весь день прошаталась по городу, ходила в Эрмитаж, всматривалась в лица и картины, но такое чувство, что на меня надели звуконепропускаемый колпак: ничего, кроме моих убогих и коротких мыслей, не присутствует в окружающем пространстве. А самое смешное, что мне даже не обидно. Это закономерная ситуация – идеи приходят, когда совершенно не надо.

Еще был вариант напиться до потери пульса, но он провалился. Я не могу пить слишком много, потому что мне сразу становится слишком плохо. Страдания полезны для творчества, но не физиологические, а духовные, а на фронте души свирепствует эпидемия безразличия.

О, счастье! Телефон!

– Да! – кто бы ты ни был, друг, я рада тебе.

– Сашка, это Анна Николаевна, Пашкина мама, – Пашка – моя давняя подружка, а ее мама – старинный фактор нашей дружбы. – Моя дочь до тебя доехала?

– Нет, – я никого не ждала, но спросить, с какой стати она должна была ко мне прийти, значит подставить друга, который прикрыл тобой свою тридцатилетнюю спину от родной и крайне заботливой матери. – А уже должна была?

– Выехала час назад. Пусть позвонит мне, когда доедет, а то она никогда свой мобильник не слышит. Все, пока.

Отлично, разговор короткий и содержательный. Уж мой-то звонок Пашка услышит наверняка.

– Ку-ку, мой пупсик, твоя мама мне только что сообщила радостную новость.

– Господи, Саня, прости, не успела я ей отзвониться. Не бери в голову.

– Не, я не беру, ты мне просто скажи: ты у меня сегодня и ночуешь или это был просто короткий светский визит?

– В идеале, конечно, ночую, но не факт, так что я тебе сообщу, насколько мы сегодня будем близки, – подобный поворот событий не может не радовать, учитывая, что последние несколько лет Пашка принесла на алтарь семейных традиций. Жертва имела вид кандидатской диссертации на непрогнозируемую филологическую тему.

– А мне достанется хотя бы краткое описание того, что я прикрываю, или я буду врать про то, что ты моешься пятый час в душе, просто из уважения к нашей дружбе?

– Ну... – вырвать у Пашки хотя бы грамм информации о личной жизни не удавалось даже Анне Николаевне, а та, думается, применяла все известные спецслужбам способы дознания; но у меня есть аргументы.

– Я могу совершенно случайно забыть, что тебя у меня нет... – не могу, но я же хочу сюжет, я мечтаю о сюжете, а любовь библиотечной девочки – это заявка на победу. И не надо обвинений в цинизме.

– Ладно, я все расскажу, только ты бди! – и она предательски вешает трубку.

Назвать родного ребенка Павлиной – это, конечно, экстравагантно. Первое время, наверное, все удивленно вскрикивали «ого-го», но потом у этого ребенка началась длинная и извилистая жизнь, где Павлине Медиакритской приходилось постоянно оправдывать столь странное имя безупречным поведением, завидным прилежанием и ответственной общественной работой. Пашка старалась из последних сил своего крошечного организма, который так и не врос в свое широкое имя, а остался тридцать восьмого русского размера. Она отчаянно занималась всяческими экстремальными видами спорта, даже получила свой парашютный AFF, но в ее исполнении все эти подвиги казались несколько несерьезными, игрушечными, как и вся ее жизнь, спрятанная в кукольный домик, который Анна Николаевна выстроила специально для единственной и до припадков любимой дочери.

А с другой-то стороны, Павлина совершенно оправдала свое имя, поскольку только у самца шикарный хвост и корона, а курочки бегают вокруг него серыми комочками. Внезапно мне представилась Пашка рядом с голливудским красавцем, который гордо вышагивает, перебиваясь в лучах собственной неотразимости, так ярко отражающейся в огромных серых Пашкиных глазах. Но как ни силилась я сквозь пространство расслышать их диалог, чтобы запечатлеть его для истории, до меня доносились лишь тишина и немое восхищение. Красивые мужики – очень скучные объекты для литературы, а покопавшись в воспоминаниях, я поняла, что Паше всегда доставались мужчины удивительной красоты и столь же удивительной аморальности. Или как назвать их поведение? Я, видимо, действительно слишком приличное существо, и меня до сих пор потрясает, когда молодой или не столь молодой человек бросает любимую женщину ради любимого мужчины. А в Пашиной жизни подобная комбинация случилась трижды, из чего можно сделать удивительные выводы.

Может, они и не виноваты, они честно пытались перейти к традиционному способу ведения хозяйства, а кто, как не Паша, похожая на двенадцатилетнего мальчика, мог им помочь? Она носит ошеломляюще маленькие джинсики, рубашечки и большие свитера, словно снятые со старшего брата, а порой решает быть коварной соблазнительницей и надевает короткую юбочку, а к ней цветные гетры, что вместо ассоциаций с соблазном вызывает стойкую ностальгию по пятому классу средней школы. Мечта педофила, законная и доступная мечта. Если бы не тонкий нюх на аномалии Анны Николаевны и Пашиных переразвитый интеллект, мадмуазель Медиакритская давно была бы замужем за одним из роковых длинноногих мачо с томными глазами и шелковыми волосами.

Кофе закончился, дождь со снегом продолжается. Пока варю дополнительную порцию черного пойла, звонит Паша и докладывает, что-таки решила до меня доехать и я могу начинать ее ждать.

– Только ты учти, что у меня из съедобного только манка, и та в сухом виде, – бежать в магазин из побуждений гостеприимства у меня нет никакого желания.

– Не волнуйся, я купила большой пирог, еле его тащу, – она вешает трубку, а у меня перед глазами мелькает картинка из диснеевского «Винни-Пуха», где страшный ураган носит розового и полосатого Пятачка на зонтике.

«Вот как так можно работать?! Постоянно отвлекают!» – удовлетворенно думаю я и иду за тряпкой, чтобы вытереть пыль, накопленную за время последнего творческого аврала. Убираться не люблю, но это единственное достойное занятие на данный момент. Складываю в кучку одежду, запихиваю ее в шкаф, хотя на кресле ей самое место. Гости, гости... С разных горизонтальных поверхностей собираю кружки из-под чая и кофе, в одной присохли три растворимые вермишелины. Не слежу я за домом. И за собой не слежу. В зеркале, которое решила протереть по случаю, отражается несколько невротизированная личность с пушистыми и почти кудрявыми волосами, заспанными глазами и разросшимися бровями. Раз уж я тут, то можно и брови прополоть. Щипчики сработали лучше, чем две чашки кофе, я мгновенно просыпаюсь. «Порядок на вверенной мне территории наведен за рекордно короткий срок», – думаю я и тут же передергиваюсь от заштампованности сознания. Что можно написать, если я думаю стандартными фразами, живу стандартной жизнью и ни разу не вышла за границы нормы?! Обожу медленным критическим взглядом квартиру, выискивая приметы фантастического, но ничего, кроме евроремонтных стен и библиотеки во всю стену, при всем желании заметить не могу. У Стругацких за дверью в кладовку обнаружилась бы параллельная вселенная, море с рыбак-ком или машина времени, а у меня за дверью обнаружится мокрая и замерзшая Пашка с пирогом и тоскливым взглядом на пол-лица. Наверное, я писатель-реалист, продолжающий традиции Достоевского. Только очень мелкие у меня реалии, без страстей, без каторги, без крови, без бесовщины. Просто очень тихая жизнь, больше напоминающая истории про маленьких людей. Значит, я последователь Гоголя. Хорошо следовать за человеком, который жил двести лет назад.

А если отринуть упаднический пессимизм и написать бравурную историю про то, как прекрасно жить в нашей стране, как возрождается из очередного пепла наше народное хозяйство, как нанотехнологии внедряются в жизнь простых людей, как каждый труженик может в подаренные ему щедрым работодателем две недели отпуска поехать в Турцию и жить по райской системе «все включено», отрываясь от еды и питья лишь на короткие погружения в неприлично теплую воду... Это такой неосоцреализм, по которому скучает литература, скучает власть, понимающая, что все это скорее фэнтези. Но я не могу.

Пару дней назад я опять пережила приступ паники. В институте, куда я хожу как бы работать последние шесть лет, объявили, что с нового года мы теряем финансирование, а значит, прямым ходом идем ко дну. Уникальный организм, возрожденный после войны, проживший шестьдесят лет уже только новейшей истории, будет разрушен новым законом о высшем образовании. И так работой всю деятельность преподавателей и сотрудников академии назвать нельзя, поскольку за такие деньги это явное хобби, но мы делали его с радостью, а теперь все. И на этом фоне я должна сочинить красивый текст. Описать гибель высшего образования в стране, где медленно и умышленно умертвляется все здоровое и сильное? Паника обычно перерастает у меня в желание уехать куда угодно, но в таких ситуациях я открываю сайты посольств и на меня льется поток унижительных процедур вплоть до медицинского освидетельствования, которые должен пройти человек, решившийся изменить своей стране. Это хороший урок, чтобы не хотеть предавать родину с маленькой буквы.

Нарастающая меланхолия рискует превратиться в истинную депрессию, но после двух протяжных завываний домофона и медленного гудения лифта очолевшая Пашка пропихивает в дверь необъятную коробку и просачивается вслед за ней.

– Паша, давай уедем отсюда!

Паша только что пыталась стянуть наивные митенки, связанные крючком из оранжевой шерсти и расшитые бисером, но замерла, испугавшись, видимо, что уезжать придется, так и не выпив чаю.

– Не, Паш, не сейчас, а вообще. Давай переедем жить туда, где тепло, где все логично, где можно жить на то, что зарабатываешь честным трудом...

– Я подозревала, что ты здесь уже совсем плоха, но не думала, что настолько, – строгая Павлина Леонидовна распаковывается, снимает пальто, напоминающее доху извозчика, разматывает шелковый шарфик в горошек, вылезает из тяжелых армейских сапог и растирает ноги, на которые любовно надеты полосатые радужные носки с вывязанными пальчиками.

– Невыносимо все это.

– И это мне говорит человек, который совершенно недавно получил две литературные премии, продает картины за немыслимые деньги, и на работу ходит раз в неделю, – ироничная улыбка не переросла в жестокий сарказм, но желание заламывать руки у меня поуменилось. – Творческий кризис?

– Это не то слово!

– Уже дня три, наверное? – Паша безжалостно бросила меня и удалилась в ванную отогревать руки.

– Вот ты думаешь, что три дня – это немного, а это только начало. Ты можешь себе представить, что у меня нет ни одной мысли в голове, то есть они есть, но все до единой чужие.

– Наконец-то ты сблизилась с народом. Собственная мысль – это явление редкое и ценное, – она методично намыливает руки жидким мылом и смотрит на меня через зеркало.

– Неужели у тебя тушь на ресницах?

Паша загадочно закатывает глаза, демонстрируя полное пренебрежение ко всем этим женским уловкам: мол, что там тушь, какая ерунда. Но меня не обманешь.

– Кто он?

– А чаю мне дадут? – кокетливо изгибаясь под острыми углами, интересуется Павлина.

Принесенная коробка распотрошена на весь стол, в ней пушистый и не успевший окончательно простыть от февральского ветра пирог с капустой. Пашка забирается с ногами на стул и раскачивается, наблюдая, как я шаманю вокруг чайника и чашек.

– Рассказывай, – глядя со значением прямо в Пашины глаза, умоляю я.

– Это практически то, о чем мечтала ты, и это то, о чем давно мечтала я, – она держит паузу. – Я получила грант на работу и учебу в Америке. На целый год.

От расстройства мне хочется насыпать себе вместо заварки яду. Не только сюжет потерян, от меня ускользает практически последний друг.

– Дорогая, но ты же только что защитилась, стала целым настоящим доцентом, – неубедительно цепляюсь за факты и с каждым словом становлюсь все ближе к одиночеству.

– Это всего на год, не плачь.

Я не плачу.

– А мама уже знает?

– Пока нет, ей я скажу в последний момент, но думаю, что она больше обрадуется, чем расстроится. Она давно мечтала, чтобы меня признало мировое сообщество.

– Прости, я не совсем поняла или к признанию данный грант имеет сомнительное отношение? – комментарии дальше не требуются.

Наши родители с самого нашего детства верили в великое будущее своих детей. Это будущее непременно должно было состояться в мировом масштабе, а значит, Пашин отъезд – это

необходимая жертва в глазах Анны Николаевны, она приблизит ее гениальную дочь к вселенской славе.

– А город какой?

– О, Сань, думаю, что об этом городе ты услышишь впервые, как и я. Это некий Хантингдон в некоем штате Пенсильвания.

– Боже...

Америка представлялась мне после невразумительных уроков географии и ультрадинамичных голливудских сказок страной, где есть два города: Нью-Йорк и Лос-Анджелес, а между ними скучно-декоративный Вашингтон. Остальное пространство было глобальным национальным парком с каньонами, индейцами, медведями гризли и прочими приключенческими забавами. Что будет делать моя замечательная Пашка в городе, которого на моей внутренней карте нет, я не могу и не хочу представлять. Страна, уничтожившая мою такую счастливую пионерскую жизнь, лишившая меня возможности считать Таллин своим городом, а Казахстан пригородом Сибири, теперь хочет отобрать лучшую подругу.

– Не надо мировой скорби, там есть Интернет, и мы видимся не так часто, чтобы не пережить годовую разлуку, – Паша утишает меня, одновременно прислушиваясь к внутренним ощущениям. По-моему, она испытывает протяженное и сладковато-липкое счастье. А теперь надо собраться и порадоваться за нее.

Еще немного чаю выпью и начну радоваться. Саша, быстро начинай радоваться!

– Хорошо... – выдавливаю из себя самую положительную реакцию. На которую способна.

– Ну не конец же света!

– А, между прочим, обещают этот самый конец в 2012-ом, и ты проведешь без меня, может быть, самый последний год. И вернешься, когда все закончится, и получится...

– Только без апокалиптической чуши, дорогая, только вот не надо про майя, про небо на землю и дожди из лягушек. Это такой шанс вырваться из постоянной рутины, бросить дурную кафедру, не видеть студентов, которые каждый раз делают мне одолжение в виде перевода, а на самом деле это я им делаю огромное одолжение, что продолжаю их учить. Саша, целых десять месяцев я буду жить как нормальный человек, одна, сама принимать решения, сама развиваться. Я наконец пойму, как это – быть преподавателем. И язык, конечно...

– Ты блестяще знаешь язык, – наотмашь лщу я, точно зная, что каждое ее слово образец тихой правды.

Хороший день, знаковый. Мне подарили вполне реальный повод для расстройства, и виртуальные можно позабыть. У меня были три школьные подруги, которые, яростно любя меня, не очень переваривали друг друга. Это была не слишком устойчивая конструкция, которая без меня практически не существовала, а значит, была реальностью лишь в моей системе координат. И вот сначала в Москву уехала Инна, чтобы обрубить все питерские веревки и канаты и вырастить на столичной почве совершенно новую личность, которая к моей родной Инне отношения практически не имела. Мы встречались редко, но разговоры наши имели некоторые ностальгический налет, когда и я, и она обращались к собеседнику из прошлого, которого помнили и любили. А в настоящем были уже совсем другие люди, и страх не узнать и не понять оберегал однажды выстроенную и хрупкую конструкцию. Это была, конечно, в некотором роде дружба, но не требующая ничего, кроме памяти.

Нина уехала сначала в Хельсинки, потом в Париж, наверное, следующим местом назначения будет Гонконг или Сингапур, а может, Токио – она не знает. И вопросы про «как дела» стали абсолютно бессмысленными, так как мы обе потеряли представление о жизни друг друга.

И вот теперь Пашка. Уедет на целый год, а потом полюбит кого-нибудь совершенно американского и останется там навсегда. А я буду здесь совершенно одна, буду ходить по нашим улицам, в наши кафешки, буду думать наши мысли, то есть стану памятником тому, что было. Как Баба-яга. Историки разобрались, что она произошла от оставленной на древнем поселе-

нии никому не нужной женщины, которая умерла в своем срубе на сваях, а путники пугались торчащих из дверей костяных ног...

– Алло, Сашка, ты здесь? – Паша с тревогой всматривается в мои полные слез глаза. Читаю на ее лице благодарное потрясение от моей тоски. Вот, мой абсолютный эгоизм кому-то показался высшим проявлением любви. – Давай пойдем куда-нибудь, посидим, напьемся... Ты пойми, я же совершенно не сейчас уезжаю, а только летом!

– То есть я еще успею привыкнуть? Или у меня есть хороший шанс начать тебя ненавидеть до отъезда?

– Вот это явно лишнее. Я тебя так огорошила своей новостью, что не поинтересовалась, что тебя вогнало в такую тоску, – Пашу почти не видно за громадной оранжевой кружкой, и голос звучит измененно, словно из пещеры. Наверное, она растрогалась и немного всплакнула. Слезы проливают не только уездные дамы.

– Все довольно просто. От меня практически требуют новую книжку, прямо выламывают руки, а я заглядываю в себя и вижу только то, что ничего не вижу.

– А как было с первыми? – первых было две, Паша помнит, как с ними было, но нам нужно о чем-то сейчас говорить, и мы говорим. Не реветь же весь вечер на два голоса.

– Первая появилась от ярости, ты же помнишь, как меня взбесили театральные люди, театральная система и театральный бред. Меня так трясло, что я за месяц написала жутко ядовитый текст, ядовитее не бывает.

– И все умерли, – пирог несколько заглушает слова, но хищное выражение моей нежной подруги подчеркивает ее радость по поводу смерти всех деятелей театра. Последним ее аморальным красавцем был солист балетной труппы, так что с театром у нее свои счета.

– У меня даже не возникало тогда проблемы, о чем писать – все выливалось, нет, все вырывалось из меня, словно я гнойники удаляю...

– Фуууу, – физиологизмы Пашку тревожат, она существо хрупкое, к натурализму и жизненности не приученное.

– А вторая книжка получилась просто сама по себе – это я так помечтала: а как бы мне хотелось жить. И вот тебе книжка. Вообще никакого напряжения только много-много радости и чуть-чуть грусти, потому что я всегда так мечтаю.

– Ну и третью так же напиши, помечтай ее о чем-нибудь.

– Да ты что! – таких банальностей я не могу себе позволить, это же безобразие! – То есть ты предлагаешь мне повториться? Да я ни разу в жизни ничего не сделала два раза!

– Не поняла, – она действительно не поняла. Не поняла в экзистенциальном смысле этого слова и даже зависла, как мой компьютер.

– У меня такой метод в жизни. У меня все может получиться только один раз, что угодно, но только однажды, поэтому я никогда не повторяюсь.

– Врешь, – уверенно, с точкой на конце отрубил Паша и, подчеркивая мое вранье, теперь демонстративно удаляется в туалет.

– Ни капли! – я кричу, чтобы она расслышала меня через толстую кирпичную стену и плотно закрытую дверь. – В творческом смысле я действительно не могу повторяться. Вот напишу одно стихотворение в каком-нибудь размере, оно получится, обязательно получится, даже может быть очень хорошим. Но второй раз ничего не выйдет. Это будет плохая перепевка первого, потому что идеи хватило только на единичный выстрел, – притомилась я кричать, тем более что ответов мне из туалета не приходит. Пойти, что ли, переодеться и действительно выйти на улицу, сесть в баре, провести бессмысленный вечер, пытаюсь перекричать музыку...

– Никогда не повторяешься? – вернулась Паша, перевадившая мое заявление. – Хорошо, допустим, тогда почему ты до сих пор пишешь картины?

– А ты можешь мне показать две одинаковые картины? Или даже просто похожие?

– У тебя много цветов... – неуверенно тянет она.

– Много, даже иногда это цветы одной породы, но я не повторяю ни композицию, ни гамму, поэтому не могу писать по картине каждый день. Мне каждую работу нужно выносить в голову, придумать, а уже только тогда писать. Чисто технически я могу за три часа холст написать. Любой дурак разделит сутки на три часа, получит восемь картин, умножит на среднюю сумму, за которую их покупают, и упадет в обморок. Это потому что он дурак. Я некоторые картины всю жизнь придумываю, возвращаюсь к мысли, откладываю, пробую, снова думаю, но кто этот процесс видит? Никто. На всяких показательных мастер-классах народу кажется, что все мои манипуляции проще пареной репы, что я просто так взмахнула несколько раз мастихином, и у меня все получилось, и у них получится в одну секунду, только начни. Поскольку холсты и краски доступны сегодня любому возжелавшему сделать шедевр, я стала обнаруживать на выставках очень наивные попытки сделать как я, это такой контрафакт, бороться с которым более чем глупо, ведь сделавшие эти замечательные картинки даже не отразили меня, что уж говорить о реальности.

– Дружок, да тебя занесло, ты с трибуны-то слезай, а то еще ногу сломаешь, – Пашка устала от такой меня, но что поделаешь – если не валяюсь в виде раздавленного слизняка, сразу залезаю на броневик, и переходы практически незаметны. Только что была депрессивная сопливая рохля, и вдруг...

– Короче, я не могу написать такую же книжку. Не могу даже пользоваться теми же приемами.

– Так уж получилось, что я филолог, а литературоведение как часть моей глубокой и неточной науки может похвастаться знанием достаточно ограниченного количества приемов, жанров, стилей, и тебе придется туго, если каждый раз ты будешь вынуждена отметить абсолютно все, что было использовано ранее.

– И поэтому я в кризисе. Повториться не могу, а новое не находится, – мы поняли друг друга, если это вообще возможно.

Паша задумчиво рассматривает один из моих буклетов; я еще не успела разобрать ящики, недавно привезенные из типографии.

– Хорошие штуки получились, вкусные, – она оценила мои ухищрения: лак, сложная вырубка, великолепный полноцвет, изящные шрифты и интеллигентные цитаты из великих обо мне. – У тебя уже есть детектив, жанр второй книги я затрудняюсь определить, может, это авантюрный роман? Так что у тебя остается еще достаточно богатый выбор: приключенческий, научная фантастика, фэнтези, любовный роман, философский, сага, эпос... я ничего не забыла?

– Роман в стихах, – давясь от смеха, я стараюсь дожевать кусок капустного пирога.

– И еще роман-катастрофа.

– Это как фильм-катастрофа про то, как что-то очень страшное случилось со всеми? Я таких романов не знаю.

– Ну делают же фильмы по таким сценариям, так наверняка есть и такие книги. Да, и не забудем сказки, ты можешь податься в детскую литературу, а если исчерпаешь себя там, останется про запас театр, а в драматургии своя система жанров...

– Остановись, перспективы совершенно необозримые. Так я могу создать с нуля национальную литературу, чего от меня совершенно не требуется. Те, кто меня читал, хотят того же, только чуть про другое, как вторую серию или даже целый сериал.

– Они требуют эпопею?

– Это эпопея? Значит, ее и требуют, но я все сказала и слова закончились, – я же не преувеличиваю, мало кто может вынуть из себя два толстых тома, теперь же надо накопить на следующий.

– Я тебе не советчик, конечно, но писатели обычно пишут, не задумываясь над тем, закончились у них слова или еще парочка осталась. Ты же не вычеркиваешь из словаря исполь-

зованные? Или вычеркиваешь?! – по округлившимся Пашкиным глазам я могу представить картинку, которую нарисовало ее воображение, и мне становится легко и свободно, будто где-то открыли окно, а она вдруг решает: «Знаешь, мне все-таки домой надо ехать, там у меня еще несколько непереуверенных глав, а сдавать уже через неделю».

Чтобы не умереть голодной смертью и быть хоть в какой-то мере независимой от настойчиво щедрой Анны Николаевны, Павлина делает переводы. В идеале это должно превратить ее в замечательного переводчика, но мне кажется, что это занятие скорее сделает из нее невращенника, поскольку издательство, на которое она работает, специализируется на литературе про серийных убийц, вампиров и другие аномалии с уклоном в нарезание людей на котлеты. Паша внимательно и добросовестно переводит эти опусы, честно снабжая их комментариями, проверяя цитаты и выдерживая авторский стиль. Каждый месяц в библиотеках становится на одну страшную историю больше.

Я вызываю Паше такси – не ловить же ей попутку, тем более что милиция постоянно недоумевает, почему эта девочка нарушает комендантский час, и старается напомнить, что детям до восемнадцати лет нельзя после десяти часов вечера ходить по улицам без сопровождения взрослых.

Не хочу признаваться в том, что одной остаться мне страшно, поэтому спокойно помогаю ей найти митенки, шарфик, подаю пальто, наблюдаю, как Паша методично засовывает в уши оранжевые наушники и включает японские песенки.

– В Японии тебя бы приняли за свою, – почти не шучу я.

– М-м, Япония... – она мечтательно вытягивается и словно улетает.

Ночь я бездельничаю, как и весь следующий день, который посвящен ленивому почтительству угрюмых книг по истории Отечества. Завтра у меня лекция, так что надо восстановить в памяти даты и имена, понять заново, кто, кому и почему отрубил голову и что из этого вышло. Меня ожидает эпоха Петра Великого, а эта лекция особенно хороша, поскольку чем больше эффектных поворотов сюжета, тем легче держать внимание моей не слишком образованной публики. Художники вообще к истории в расписании относятся как к курьезу, и было фантастически трудно сделать так, чтобы эти воспитанные в духе Руссо дети систематически посещали мои занятия. Не помогли ни авторитетные исследования, ни цитирование великих ученых, ни демонстрация цветных слайдов – все это приводило к глубокому сну и тотальному обезлюдению на третьей лекции. Единственным лекарством оказалась полная театрализация. Мне пришлось в лицах разыгрывать историю, превращая ее в серию моноспектаклей, и тут невозможно пользоваться конспектами, пиши – не пиши. Для каждого эпизода были свои действующие лица, я медленно и подробно рассказывала завязку, вела к кульминации, разоблачала и задавала патетическим тоном вопросы... заснуть при таком изложении материала могли лишь те, для кого русский был иностранным или кто работал три ночи подряд, а все остальные преданно слушали, хотя ничего не запоминали. Нет, кое-что они к экзамену помнили, но в большинстве случаев это было что-то совершенно невразумительное, и первые годы я, конечно, несколько расстраивалась, выслушивая, что Берия – это любовник Елизаветы Петровны, а бульдозерные выставки – это выставки сельскохозяйственной техники, но потом и к этому привыкла.

Перечитываю хронологию погони за царевичем Алексеем и представляю себе, как много потеряли наши режиссеры, которым не приходит в голову сделать об этом фильм. Здесь и любовь, и кутежи, и страх, и предательство, и ночные погони, и трусость, и смерть... И как ярко мне видятся эти картины, которые оживут на несколько минут и пропадут внезапно, затертые в студенческом мозге мыслями о салате в столовой и невыполненном задании по композиции.

Нет, кажется, был какой-то убогий фильм, но совсем не такой, как надо... Я бы сделала лучше, но меня об этом никто не просит, и я просто читаю, что-то выписываю и снова

читаю. Вчера, перечисляя все возможные формы литературного извращения, мы забыли исторический роман. С самого раннего детства, как только научилась читать, я ненавидела подобные книжки и до последнего времени не прочла ни одной. Пыталась несколько раз, но фальшивость диалогов, наигранность и бутафорность литературного прошлого доводили меня до дрожи за пару страниц. За это же свойство почти вся фантастика и фэнтези мне невыносимы. Есть четыре гениальных писателя в этих жанрах, а у остальных только игрушечные бластеры да женщины с дурными именами, состоящими из одних гласных.

Что я на них взъелась? От неудовлетворенности, разумеется. Мне осталось всего несколько часов позлиться, а потом можно и на открытие выставки сходить. Меня звали, здесь недалеко, и в моем ежедневнике абсолютно пусто. Не только сегодня.

Пока при помощи обыкновенных щипцов волосы превращаются в прическу, размышляю над тем, как я умудрилась остаться без дела. Это состояние настолько дико и необычно, что меня захлестывают растерянность и недоумение. До недавнего времени я считала минуты в часах, ложилась на рассвете и вскакивала по будильнику, я постоянно бежала с работы на работу, из института в институт, от халтуры к халтуре. Потом устраивала по три выставки одновременно и писала книжки одну за другой, ставя спектакли и устраивая семейную жизнь. Я готовила первое, второе, третье и компот и снова бежала. Между танцами и занятиями на курсах французского были встречи с друзьями, плавно переходящие в деловые встречи, и мне казалось, что эта круговерть будет вечной. И тут вдруг хрясь, и остановка. Выключили рубильник. Все дела сделаны, все разошлись. Вот могу пойти на выставку, чтобы напомнить самой себе, что жизнь продолжается. А могу и не пойти – это ничего не изменит.

Серебристая хламида без начала и конца отвечает моему настроению, и я наматываю на шею десяток разноцветных бус, чтобы они дали блеск глазам, которым срочно требуются признаки внутренней жизни. На ноги манерные ботиночки на крайне высоком каблуке, чтобы не было соблазна скукожиться и стать незаметной. Человека с ростом сто семьдесят пять сантиметров от пола плюс каблуки не заметить невозможно, так пусть видят, что я пришла иметь мнение. А зачем еще идут на выставку к бывшему?

Нормальные люди и не ходят на выставки к тем, с кем вообще-то расстались, но я не принадлежу к категории среднестатистических обычных женщин, я презираю условности, почти как в послереволюционной России. Никакого счастья мне это поведение не приносит, одни проблемы, но я все равно делаю так, как не надо. Он хороший художник, выставляется не так часто, в глобальном смысле ничего плохого он мне не сделал, а тут как раз совершенно свободный вечер, и я просто зайду ненадолго. Разве тут есть подтекст? И пусть увидит, кого потерял, болван.

Февраль начался грандиозной оттепелью. Снег, который в немыслимых количествах валился с неба предыдущие два месяца без обеда и выходных, таял, превратив улицы в неглубокие речки с островами льда и кашеобразными берегами, в которых вязло все, что пыталось передвигаться. Комья снега и льда падали с крыш со страшным и протяжным звуком «шурх» и заставляли людей пригибаться и инстинктивно закрывать голову руками. Пешеходы ненавидели автомобилистов за то, что те окатывали их водой, мешали пройти и норовили согнать с дороги, а автомобилисты ругали последними словами пешеходов, которые в целях самосохранения перестали пользоваться тротуарами, больше похожими на тропы в глухих лесах, и нагло шли посередине дороги. В этом конфликте я предпочла сидеть с сухими ногами и терпеливо ползти со скоростью идущей впереди старушки. Я бы ее подвезла, но судя по яростным взглядам в мою сторону, помощь будет отвергнута.

Ехать к шести на Марата я довольно правильно начала в четыре, хотя можно смело опаздывать: еще ни одно открытие не случилось минута в минуту. Первое испытание терпения ждет уже на Малом, где три трактора, внезапно обнаружив снежную гору, решили ее превратить в

три горы поменьше. Мне тепло, смешная тетка по радио поет про утро понедельника, и я могу думать ни о чем, в последнее время это стало привычкой. Пусто. Новости по радио отличаются от телевизионных своей непостижимой спонтанностью. Каждый сам решает, о чем ему вдруг захочется рассказать, поэтому появление в радиоэфире сообщения о том, что на государственную премию «Новация» выдвинута акция группы «Война», приходит как личная зашифрованная посылка именно мне. Я давно следила за развитием хулиганско-эпатажной деятельности москвичей на родной питерской земле, и эта сводка с фронтов добавляет специю в копилку настроения. Ребята разлили краску на Литейном мосту, и когда тот развели, то в створе Литейного оказался довольно убедительный космический фалос. Смешно. И такое вот у нас искусство. И снова развеселая музыка.

В ожидании развязки триллера с тракторами и снегом, обнаруживаю, что телефон дрожит. Московская галеристка – отвечу, всё равно все стоят.

– Да, – говорю с радостью, поскольку привыкла к стабильно хорошим новостям.

– Сашенька, привет, это Тамара, ты можешь говорить? У нас неприятности... Я должна с тобой посоветоваться, потому что... – ей явно трудно, и это меня просто пугает. – Меня попросили отменить твою выставку. Не совсем, конечно, но перенести. Выставочный зал перекупил один банк, который хочет кого-то там выставить срочно, а у меня сложности, потому что в мэрии перестановки и по всей Москве все так непросто...

– Я могу что-то изменить или мне надо просто принять это как факт? – я должна знать, что реальность невозможно исправить.

– Можно только заплатить ту же сумму, что обещал банк, но это в два раза больше, чем то, на что мы рассчитывали. Ты подумай, но я должна тебе еще одну вещь сказать. Ой, не знаю, как и начать, – пока Тамара подыскивает слова, я наблюдаю, как пробка начинает рассасываться, и мне надо двигаться дальше, хотя внутри у меня некоторый ступор. – Я взяла интервью у одного не очень удобного человека и сделала ему выставку, и после этого ко мне совершенно не приходят ни с телевидения, ни из журналов. То есть мне объявили байкот, и скорее всего надолго. Саша, прости, но я должна разобраться с этой историей, и твоя выставка будет провальной, если даже мы ее отвожем...

– Я перезвоню, хорошо? – мне нужна пауза, чтобы доехать и чтобы подумать. – Все нормально, это неважно.

Расстроиться я не могу – надо думать о поворотах, светофорах и безумных людях, бросающихся под колеса в поисках спасения от снежных завалов. Как эта новость повлияет на жизнь? Никак. У меня станет еще на одно дело меньше, и это все. Теперь не надо изобретать сложных схем перевозки пятидесяти картин из города в город, не надо собирать полотна от владельцев, можно не страховать бессмертные произведения от пожаров и наводнений, и тем самым у меня появляется безразмерная временная дыра, потому что этот проект обещал меня хоть чуть-чуть развлечь, а теперь организацией досуга придется заняться самостоятельно. Борьба с банками за выставку я, разумеется, не буду – это бесполезная трата нервов и денег, и есть соблазн попросту обрадоваться такому повороту событий.

– Козел, да! – жуткого размера квадратная железка на колесах придавила меня дважды к гранитному бортику. А за что? Что я ему сделала? Я его вообще не видела. Придурак. А вот и не стукнулась, воспитатель нашелся.

На Марата я впарковываюсь в какую-то дырку между двумя подснежными трупами автомобилей, у одного из которых выбито стекло и зияет провал в его темное чрево. Регистрирую внутреннее равнодушие ко всему, что меня окружает, и скольжу через два двора в третий, где, если повезет, случайный прохожий может найти галерею. Это такой особый питерский обычай – прятать все самые интересные места так, чтобы их могли найти только посвященные и только если им очень нужно.

Понятно, что не хватает денег на парадные залы с шикарными витринными окнами, что реклама стоит так дорого, что позволить себе журнальный разворот или минуту на телевидении может только производитель жевательной резинки, а для галеристов остается лишь тихая надежда на районную газету и местных бабушек, которые исправно посещают все бесплатные мероприятия. Вот такой у нас арт-рынок, который нужно откапывать и разыскивать, а потом еще, рискуя жизнью, взбираться по шаткой металлической лестнице к неприметной двери, над которой большими буквами написано «Май».

Игорь (моя двухлетняя история после развода) с нервным величием встречает гостей: их трое вместе со мной, потому как все остальные опаздывают гораздо увереннее. Затеряться в толпе (а именно таким был изначальный план) не удастся. Поздравляю художника и, не останавливаясь, прохожу в закуток, где среди разложенных на полках картин можно повесить пальто. Из-за стены наблюдаю, как Игорь трясет руку мэтру. Товарищ мэтр напоминает яйцо вкрутую с окладистой бородой. Похоже, он даже не сменил домашнюю одежду на парадно-выходную, ведь предположить, что данный фланелевый костюм неслучаен, я не могу. Но Игорь подобострастно улыбается и гнет свою совершенно прямую спину. Ему необходимо казаться гораздо ниже, чтобы большому человеку было комфортно. Яйцеобразный патриарх обходит два зальчика и кривится, хотя работы более чем достойные.

Игорь похож на мужчину, и это его несколько выделяет в ряду художников. Если и пьет, то только для радости, не запойно, одевается в чистое и моется регулярно, работает в институте и читает книги... Его даже можно назвать красавчиком, во всяком случае, он сам себя таковым считает, помня спортивное прошлое и ревниво присматриваясь, не появились ли на его длинном и тонком теле явные признаки старения. У него фактурное лицо скандинавского типа, которое Бог, притомившись, срубил топором, так что я могла бы не капризничать и считать отношения с героем-художником подарком свыше. Но я не могла. Он раздражал меня, непостижимым образом любое его слово вызывало во мне отторжение. Чтобы довести меня до такого состояния, надо стараться особо, обычно я просто душечка, нежная и приветливая, я просто растворяюсь в мужчине, живу его интересами, думаю его мыслями. Когда я встречалась с программистом, то достаточно внятно могла поддерживать диалоги на тему информационных технологий; с мужем-врачом я успела прочесть массу занимательных книг по разным отраслям медицины, особенно мне приглянулась психиатрия. С музыкантом я говорю о музыке, с юристом могу обсудить природу закона и осмысленно не мешать рассказывать о ведении особенно трудного дела.

И как такую женщину может бесить мужчина? Загадка. И зачем тогда она вступила с ним в какие-либо отношения? Ничего сложного, элементарно: он настаивал, она уступила. Но сейчас не это главное – я хожу по выставке и рассматриваю картины. Индустриальные пейзажи. Стильные. На огромных листах бумаги при помощи трафаретов и баллончиков, это такое сверхпрофессиональное граффити, стрит-арт, перешедший с улицы в галерею. Не знаю, хотел ли он этого, того ли добивался, но все вместе – портовые краны, машины, корабли, вся эта динамика – потрясающе.

– Как тебе? – он подходит слишком близко, нарушая границу, но мне не отстраниться, потому что по старой привычке я нашла точку опоры в виде подоконника.

– Молодец.

– Спасибо, что пришла. Я думал, что тебя не будет, – он видит в моем приходе знак, хотя его нет. Может же человек просто не знать, чем ему занять совершенно свободный вечер. – Может, посидим в кафе после открытия?

– Я занята, – определенно вру, но этого еще не хватало. Один раз проявить слабость протестительно, пытаться создать из этого отношения – глупо, но объяснимо, но вот реставрация мертворожденного союза – это откровенный идиотизм. Я знаю – прочла учебник по психиатрии целиком.

Нас призывают в центр галереи, где на низком помосте расставлены бокальчики с вином из пакета и соком, а рядом лежит тарелка с виноградом. Так галерея «Май» представляет себе фуршет по поводу открытия эпохальной выставки Игоря Копейкина. Подтянулись друзья по институту, коллеги по работе, никого случайного и никого из прессы. Об этом событии будет известно только тем, кому Игорь позвонил лично. Это такой вариант квартирника, больше напоминающий день рождения, чем культурное событие.

Дама с лицом и повадками учительницы младших классов начинает представление художника, и мы должны понять, что не случайно попали на случайное мероприятие, которое состоялось вопреки, а не благодаря.

Кто учит в нашей стране поздравлять или хвалить? Никто же не ведет таких специальных уроков, но получается, что на юбилеях, торжественных проводах на пенсию и бенефисах звучат стандартные речи, где всё хорошее несколько теряется в тоскливом. Исключение только похороны, на них каждое слово дается с трудом и надрывом. Хозяйка «Мая» рассказывает, какие трудности преодолевает Копейкин на пути к зрителю, как его нигде не выставляют, как его пригрели и облагодетельствовали... И это кошмарно. Кажется, что хуже не бывает, но яйцеголовый мэтр решает дополнить. Первая же его фраза может быть включена в учебники по галерейному делу с пометкой «как не надо».

– Я все ходил тут, смотрел, и мне не то чтобы не понравилось, ничего так, я и хуже видел. Игорь хороший человек, только вот ужасный фон на картине с машиной, вот на той, что напротив входа висит. Надо бы доработать, – это все он говорит совершенно зрелому, взрослому и талантливому человеку, а сам при этом делает мерзкую мазню и прославился тем, что делал плохо, когда все делали хорошо. – Но вот это картина просто шедевр, – он показывает на метафизический вид реки, перерезанный фонарным столбом в центре. – Композиция странная, но это интересно. Я думаю, что Игорь больной, он, конечно, сумасшедший, как многие художники...

Дальше он пускается в безбрежное плавание по волнам своей эрудиции, где есть место всему, даже Игорю. В меня деликатно прокрадывается жалость, и я с трудом гашу желание утащить униженного Копейкина подальше отсюда, но вдруг выясняется, что недовольна происходящим только я. Все остальные хлопают напыщенному критикану, а Игорь, взяв ответное слово, долго благодарит всех пришедших и делится трогательной историей про детство, и про первые впечатления, и про то, как он страдал на тернистом пути. И в завершение все пьют вино в честь больного, никому не нужного художника, который случайно сделал выставку.

Вот и ладно. В гудении поедающих виноград гостей набираю Тамару.

– Я все обдумала и приняла решение. Если жизнь так складывается, значит, нам эта выставка была не нужна. Просто нас ждет какой-то другой проект. Решайте свои проблемы, не волнуйтесь, а буклеты не пропадут, да и рекламные площади мы еще не выкупали, – мне легко это говорить, потому что в одну секунду я вдруг увидела мир бесконечно большим. Мир как возможность меня потряс, и на этом фоне все выставки мира просто ничтожны.

– Сашка! – приехала моя самая продвинутая подруга. Если бы не Аня, я бы не верила в существование какой-либо художественной жизни в Питере. Работая экспертом аукционного дома, Аня посещает практически все вернисажи и премьеры, да еще и успевает о них писать. Ее крепким нервам можно только позавидовать, поскольку не каждый человек может со спокойной улыбкой и милым вниманием воспринимать несуществующие хаммеры в одних галереях или пафосные портреты в других. Аня всегда держит марку, чему способствуют ее безупречная осанка и такое же воспитание, включавшее в себя музыку, танцы, верховую езду, иностранные языки и расширенный курс гуманитарных дисциплин, которые она освоила с немецкой методичностью.

– Забери меня отсюда, – прошу страстным шепотом, пародируя мелодраму.

Аня обходит выставку, здоровается со всеми знакомыми и малознакомыми персонажами, а затем мы степенно удаляемся, потому что это как раз тот случай, когда задерживаться не стоит. Игорь провожает нас до самых дверей и даже выходит на шаткую металлическую лестницу, произнося нелепые слова о том, что мы замечательно смотримся вместе. Я прекрасно вижу, чего он хочет на самом деле, но глубоко убеждена, что именно этого мне не надо. Не надо, Саша, даже не думай.

– Ты оставила в «Мае» буклеты? – Аня занимается моим имиджем, а я ей подыгрываю.

– Конечно, они попросили диск. Завезу на следующей неделе, – тут же фантазирую на ходу. И про диск этот забуду, наверняка забуду. – Пойдем что-нибудь есть?

Мы сегодня особенно нужны друг другу. Во-первых, мы обе на каблуках, а ходить домиком более безопасно, а еще мне просто необходим собеседник или даже лучше – слушатель, а Аня идеально умеет слушать. Она чуть склоняет изящную головку и внимательно всматривается в говорящего, словно бы видит каждое слово, вылетающее изо рта, как в комиксах или детских книжках. Она точно попадает смехом как раз в нужные места и выдерживает идеальные паузы между риторическим вопросом собеседника и своим лаконичным кивком. Когда Аня рядом, я способна погрузиться в творческий транс, который необходим для рождения идеи. В одиночку это сделать практически невозможно. Порой озарения снисходят во время долгой прогулки по городу или под душем (вода на меня очень благотворно влияет), но ничто не сравнится с правильным собеседником. Помнится, Шерлок Холмс очень любил думать при ком-то. Мысль зарождается, отражается в другом человеке и возвращается, потом ее додумываешь, снова отражаешь, снова додумываешь, и так идея обрастает деталями, переходит из ничего в реальность, становится планом действий, обретает вербальную форму и закрепляется в мире, записанная в памяти друга. Ведь и Богу-отцу понадобилась Дева Мария, чтобы реализовать свою задумку, а до этого он как-то сам справлялся, но для того чтобы подарить миру самую красивую идею, нужны были два существа.

В лишенном признаков времени и стиля ресторанчике нам наливают почти японский суп и чай. Я пытаюсь расслабиться, но меня пробирает странная дрожь. Вся страна страдает от гриппа, может, и в меня проник мерзкий вирус? Аня достает из сумочки таблетку и рекомендует:

– Прекрасный антигриппин, выпей. У тебя странный вид, ты на себя не похожа... – это такая фигура речи, потому что мы обе понимаем, что именно такая я гораздо больше похожа на себя, чем раскисшая и вялая, какой она меня видела некоторое время назад.

– Видела на выставке странного типа с сумкой «Пятый конгресс урологов»?

– Да, я этого человека периодически вижу в самых неожиданных местах, только не знаю, кто он, – Анечка достает красный ежедневник и проверяет, все ли дела сделаны: ее жизнь находится как раз на том витке, где ничего нельзя забывать.

– Представляешь, если этот дядька ходит по всем собраниям? Совсем по всем: конгрессы урологов, съезды библиотекарей, выставки, благотворительные концерты в церквях... – у меня мелькнула мысль, но, пожалуй, эту можно и пропустить, она первая, шальная. Хотя для разогрева очень неплохо.

– Особенно ему должны нравиться собрания Свидетелей Иеговы или празднования буддийского нового года, – подыгрывает мне Аня. Эти интеллектуальные игры – одна из немногих радостей, которые можно себе позволять без страха испортить фигуру, биографию или карму.

Отчитываюсь об отмене московской выставки, расспрашиваю подругу о личной жизни и, глядя в тоскливые глаза креветки, которую собираюсь съесть, понимаю, что наступил решающий момент. Аня записывает в своем правильном ежедневнике список галерей, которые еще обо мне не знают, мы намечаем день объезда владений, список картин на предстоящую выставку, содержание статьи и прочие мелочи, но я чувствую, что приступ уже близок, словно родовые схватки. Я вижу вспышки в голове, картинки и образы. У меня начинаются видения и,

нарушая стройное течение беседы, происходит внутренний взрыв. Я не кричу «эврика», я же не сумасшедшая, я тихо и связно начинаю проговаривать то, чего сама еще никогда не слышала.

– Я давно думала, и вот мне кажется, что можно попробовать сделать один проект, – я ни о чем давно не думала, но Аня внимательно смотрит на меня и переходит в тот самый идеальный режим восприятия. – Мне скучно делать эти выставки, это все никуда не ведет, понимаешь? Приходят люди, которые должны напрячься, отвлечься от дел, ехать на другой конец города, а у них вообще другие желания. И поэтому у нас за последнюю выставку прошло всего около сотни человек, ну ладно, в Интернете мы накричали об этом, но народу даже лишний клик сложно сделать, чтобы по ссылке пройти...

– И что ты предлагаешь? – Аня подает выверенную реплику, согревая глаза зеленым чаем.

– Пусть живопись придет к людям, если люди не хотят прийти к живописи.

– Передвижные выставки? – ее недоумение корректирует ход моих мыслей.

– Нет, я не предлагаю разезжать на грузовике с картинами, хотя это неплохо; представляешь, такой рейд по людным местам города с просветительской миссией, об этом можно подумать, даже более того, это можно включить в планы на будущее, но я не об этом. Представь, что однажды утром на улице появляется картина...

– Зачем?

– Я пока не знаю зачем, но она появляется, и она изменяет это пространство. И так по всему городу.

– И ты стоишь с ней рядом или уходишь? – Аня зрит в корень, но меня уже понесло.

– Иногда я могу ее прямо там и писать, но это сложно, потому что окружающие дети будут все в красках и меня будут бить их мамы. Лучше просто ее оставлять и уходить.

– Холст в раме оставить на улице и уйти? – Аня вышла из образа, потому что мне удалось ее шокировать. – А не проще сразу оставить чемодан с деньгами? Ее же утащат минуты за три, никто и увидеть не успеет. Если только ты не привяжешь ее цепью с замком, тогда на звук распиливаемого металла прибежит страшная толпа народа.

– Это вариант, но я думаю, что вместо холста должны быть большие листы оргалита. Я давно мечтала о масштабной живописи, мне тесно на холсте, и это шанс показать большой аудитории, что есть искусство. Я не нарушу ни одного закона, мне не нужно для этого разрешения администрации, я просто буду приносить людям радость.

– А себе славу... – в Ане заговорил пиарщик. Во всем этом есть то, что заставляет двигаться наш мир, – информационный повод. – Это не скандал, но изящно. Конечно, кусок оргалита упрут быстро, но фотографии и видео обессмертят эту акцию... Продолжай.

– Раз в неделю в разных точках города будут появляться эти картины, постепенно люди будут их искать, это превратится в общегородскую игру, где выиграют все.

– И сколько таких картин?

– Допустим... Двенадцать. Всю весну, каждую неделю по картине. У меня есть время, у меня нет дела, у меня нет идеи для новой книги, а что может быть лучше, чем живой проект?

– Это не просто проект, это такая махина, что его не поднять в одиночку... если о нем никто не будет писать, если его никто не будет снимать, если никто не будет выкладывать эти материалы в сеть, то ты просто подаришь двенадцать листов оргалита местным бомжам на обустройство высокохудожественного жилища, и я вижу в этом миссию, но тебе самой придется найти что-то особенное для себя. Ты не сможешь сделать этого, если все картины будут просто картинами, – она сделала блестящий пас, теперь мыслепоток несется на меня со страшной скоростью.

– Значит, это будет серия. Каждая работа под номером, и каждая станет частью истории, я пока не знаю, какой, но придумаю...

Главное, что у Ани не возникает главного вопроса, который неизбежно появится в головах людей, далеких от современного искусства. Это мучительный вопрос «зачем». Аня же прекрасно знает, что художественная акция прекрасна не утилитарностью, а новизной, и она чувствует этот нерв неизведанного так же остро, как и я.

– Только до весны осталось всего три недели, и мне кажется, что надо немного отложить, начинать ближе к маю, когда потеплеет... – может, она и права, но дотерпеть до тепла я не смогу.

– Я начну с первого дня весны, – внутри полыхает пламя идеи, и я хочу нести его человечеству. Однажды я заработаю неприятности, и какой-нибудь орел выклюет мне печень.

Выходя из ресторана, краем глаза замечаю сидящего у окна мужчину. Это сама безупречность. Неужели они существуют? Нью-йоркский тип банковского работника, который проводит вечер в одиночестве. Он уже никого не ждет, потому что допивает капучино, и это странное искривление пространства забросило его сегодня в Питер. Уже на улице оборачиваюсь, наши взгляды встречаются через стекло, но мне не хватает смелости сделать эту встречу неслучайной.

Домой возвращаюсь абсолютно невменяемой. Раскидываю по всем горизонтальным поверхностям одежду, бусы и прочие мелочи (за минуту до этого я пыталась бусами открыть дверь – они звенели в сумке как ключи), бегаю из комнаты в комнату, включаю и выключаю телевизор, сажусь на диван, убегаю в кладовку, понимаю, что тут мне ничего не нужно... Меня тянет сразу в несколько мест. Я хочу залезть в Интернет и тут же поделиться изобретением, потом обзвонить всех, у кого есть уши и телефоны, чтобы они тоже порадовались за меня, а еще я с трудом сдерживаюсь от желания открыть окно и завопить на всю улицу от счастья. Из этой точки моя жизнь становится структурированной, расчерченной на шаги и движения, в ней появляются преодолимые и непреодолимые сложности, миллионы проблем и поиск их решения. И скука вместе с тоской собирают вещички, бросая на мою радость обиженные взгляды. Иду на кухню и нахожу пузырек с валерьянкой.

– Раз-два-три, раз-два-три, раз-два-три, – что это я? Тридцать капель, никакого вальса. У обычных людей не дрожат руки, не выпрыгивает сердце. Да хватит уже так переживать, не надо бояться. Придумала – надо делать. И никаких сомнений, никаких остановок.

Вот сейчас я сяду на стул и несколько минут просто не буду двигаться. В полной тишине становится ясно, что мне необходимо ехать. Стараясь двигаться медленно и прийти в себя, натягиваю джинсы, свитер, беру сумку, набрасываю на спину куртку и не забываю выключить свет в ванной. Если бы за мной следили скрытой камерой, то ничего необычного не заметили бы, просто в десять часов вечера Саша Романова решила прогуляться. Они же не слышат, что у меня внутри визжат три разных голоса, и все три мои, а в такой компании я рискую встать в ряды художников с психиатрическим диагнозом.

– Мам, я сейчас к тебе приеду, мне надо.

Мама удивленно угукает в трубку, но я уже вывожу машину из двора. Ночное шоссе – лучшая медитация и очистительная практика.

Если бы меня кто-нибудь попросил назвать самого адекватного человека, я бы, без сомнения, сказала, что это моя мама. Как ей удалось родить меня – глобальная загадка и игры генетики, но мне повезло, и я сверяюсь с ней, как с некоей эталонной шкалой. Чтобы сохранить здоровье и нервы, большую часть года она живет за городом, покидая дом в яблоневом саду лишь по необходимости: прогуляться по Европе или погреться у моря. Или в случае открытия эпохальной выставки, или когда приезжает на гастроли известный московский театр, или если у очень близкой подруги случится особенно грандиозный юбилей – а что еще можно делать в городе? Я тоже так буду жить, если доживу до ее возраста. Маме в общем очень нравится то,

что я делаю, но каждое мое действие в отдельности вызывает у нее разные чувства в спектре от недоумения до расстройства.

Как и Пашкина Анна Николаевна, моя мама очень переживает из-за того, что мы трагично живем на всякие несущественные вещи, занимаемся всяческими глупостями, вместо того чтобы нарожать детей или хотя бы одного, самого такого заваливающегося ребеночка. Мы с Павлиной по разным причинам держим оборону и не поддаемся на предложения родить внуков и сдать им, а самим ехать хоть в Африку спасать мир от СПИДа. Мой развод мама восприняла как неизбежную неприятность, поскольку сама пережила их несколько, но теперь было совершенно неясно, когда я соберусь размножиться и наполнить ее огромный дом смыслом.

Однажды, когда нам с Пашкой было лет по четырнадцать, мы шли из школы и обсуждали далекое и совершенно непредсказуемое будущее. Что впереди, мы представляли с трудом, но я отчетливо помню, что отрицала возможность существования семьи, хотя одновременно внутри себя понимала, что говорю глупости. Я помню двойственность этого разговора, когда произносились вслух одни слова, а думались совершенно другие. Мужа я присматривала для себя лет с трех, так что, можно сказать, мама лишь озвучивала мои желания и промахи.

Ушakovская развязка уже опустела, Приморское шоссе, мокрое и призрачное, несет через сырой лес, где с веток падают комья снега, набухшего от внезапного дождя. Начинается метель, и я вижу, как дорога превращается в звездный тоннель, и реальность начинает терять ясные очертания. В один момент мне кажется, что это полет сквозь галактику, и мысленно я представляю себя стрелой. Таких внутренних скоростей никогда не было. Внезапно из-за поворота на меня выбегает абсолютно неожиданный для моего состояния вселенской вседозволенности человек с полосатой палочкой и, чтобы я не сомневалась, что его интересую именно я, а никто иной на этом безлюдном шоссе, он тычет своим жезлом мне в лицо. Похоже, что за наслаждением внутренними скоростями я как-то не заметила, что превысила внешнюю. Вот сейчас строгий дядя и скажет, до какой же степени я обнаглела. Но на самом деле я безмерно счастлива, потому как больше всего на свете я боюсь задавить гаишника, и то, что он бросился на меня, а я такая молодец и совершенно не причинила ему никакого вреда, – это большой праздник, о чем я спешу сообщить ему лично в открытое окно.

– Какое счастье, что я вас не сбила! – я улыбаюсь как полный идиот. Еще пара секунд, и меня будут подозревать в том, что я под градусом или, что еще хуже, под кайфом.

– Капитан Иванцов... – растерянно представляется он.

– Знаете, а вы у меня первый, – продолжая улыбаться, протягиваю ему документы.

– В каком смысле? – его ступор усиливается, он даже отделяется от изучения прав и страховки.

– В прямом. Меня никогда не останавливали на дороге, – говорю чистую правду.

– За... семь лет? – он вчитывается в мои права. Да, получается, что так. Пять первых же права у меня просто лежали без дела. – И что мне с вами делать? – капитан Иванцов немного покраснел, даже много. Он теребит мои документы, а я продолжаю улыбаться. Потому что мое настроение ничуть не испорчено.

– Отпустить? – предлагаю незамутненно, словно это единственно верное и понятное решение.

– Как отпустить? – такая я у него, наверное, тоже первая.

– Просто отпустить...

– Но сто пятьдесят в час...

– Какой ужас! Неужели сто пятьдесят?! Знаете, это что-то со мной не то, я обычно быстрее ста двадцати ни-ни, – честно признаюсь ему, вполне осознавая, что это тоже сомнительное оправдание.

– Только больше так не делайте... – он протягивает мне документы.

– А зовут-то вас как, вы же мой первый, – задаю я финальный вопрос, от которого Иванцов становится абсолютно красным и сквозь смущение тихо произносит: «Юра...»

Юра... Он растворяется в зеркале заднего вида, как видение, как тихий ангел.

Зеленогорск всегда встречает тишиной и расслабленностью курортного местечка, где летом больше дачников, чем местных жителей. А зимой, когда случайные люди уезжают обратно в грязный и нервный город, течет совершенно другая жизнь, темп которой задают концерты в кирхе по субботним вечерам и литературные чтения в библиотеке. В яблоневом саду гуляют дамы с собачками, а под огромной грушей на детской площадке строят снежную крепость. Тут весной пенно цветут деревья, а осенью полыхают огненными снопами клены, оттеняя ослепительную, снежную белизну церкви.

Мама построила дом в средиземноморском стиле с окнами от пола до потолка, которые летом распахиваются в сад, где под внимательным присмотром ландшафтного дизайнера разрастаются гортензии, маки, пионы и сотни других цветов, разведенных специально для меня. Вдобавок к дому была построена и мастерская, и эта медовая ловушка однажды захлопнется.

– Что случилось? – мама встречает меня, запахнувшись в пушистую шубу. – У тебя же завтра с утра лекция, придется отсюда выезжать часов в шесть... – она права, логики в моем поведении не слишком много.

– Пойдем, расскажу.

– Ты здорова? Сережа? – Бывший муж – это достойная причина, чтобы принестись ночью.

– Не, что ты. Я его уже сто лет не видела. Пойдем в дом. Мне зябко после дороги, – вернее будет сказать, что меня колотит озноб, бьет колотун и я вся трясусь, словно в пляске святого Витта. Ну хватит уже!

– Чай будешь? Вина не предлагаю – тебе обратно ехать скоро.

Кроме кухонного оборудования, шкафчика для коллекционных вин, стола и диванов на первом этаже нет практически ничего. Отсутствие мебели компенсируют картины, развешанные по всем стенам и простенкам, даже под лестницей. Мама коллекционирует меня. Я не возражаю и регулярно пополняю ее коллекцию. Особенно она обогащается летом, когда каждый цветок становится поводом для творчества.

– Как продвигается новая книга? – писатели в маминой системе координат стоят выше художников, поскольку она признает литературоцентричное начало нашей культуры, так что мое стремительное превращение из художника в писателя ее очень обрадовало, и теперь она ожидает новой книги, а я ей вместо книги привезла концептуальное искусство.

– Книга будет обязательно, но только позже... – я рассказываю про картины на улицах и вижу, как у мамы любопытство трансформируется в непонимание, а на смену ему приходит и раздражение.

– Можно, я тебе перескажу, что я поняла? – начало не предвещает ничего хорошего. – Ты будешь непонятно ради чего раздавать свои картины. Кто узнает, что их сделала именно ты? Где будет написано, что Саша Романова автор? Почему их нельзя унести обратно? Показать и забрать? Кто это будет видеть? Почему люди вообще будут на это смотреть?

Вопросы все правильные, как ни поверни. Зачем, кому, как... И я знаю ответы на них.

– Никто не будет знать, кто автор – это секрет. Я не буду забирать картины обратно, потому что такие правила игры. Пусть с ними случится все, что случится. Я поставлю их в самых разных местах, где люди идут или стоят, или там может проходить только один человек в день. И картины придут к людям и изменят их мир.

– Это какая-то чушь...

– А коров помнишь? Вся Флоренция была уставлена коровами. Зачем?

– Это коровы... Это скульптура... Ее нельзя унести! Ладно, допустим, тебе захотелось так потратить свое время, но я не вижу здесь ни смысла, ни идеи, ничего... пусто. Я бы поняла,

если бы ты поставила эту картину, а потом вокруг нее устроила бы некое действие, спектакль кукольный для детей или еще что-нибудь. Или кто-то мог бы раздавать буклеты, которые ты напечатала. Их у тебя сколько тысяч?

– Одна, всего одна, – совершенно никому не нужная тысяча буклетов, которые должны были стать частью московской выставки, а теперь просто занимают два кухонных стула.

– Тебе книгу надо писать, от тебя ждут текст, потому что писатель должен писать. А в Москве...

– А Москвы не будет. Мам, у меня тупик. Выставка отменилась, книжка не пишется, ничего не происходит! Неужели непонятно, что надоело заниматься всей этой ерундой. Живопись эта – тоска смертная, все понятно, все предсказуемо. Еще один роман, еще одна картина!

– Иди волонтером в хоспис, раз так истосковалась по реальным делам, – у мамы есть такое выражение лица, которое невозможно пережить: она вся словно тяжелеет, в глазах стальной отлив и холод. Она становится бритвой, рассекающей мои иллюзии.

– Можно и так.

Я устроена удивительным образом. Вот напишу картину, а как она получилась – не понимаю. Отчетливо вижу, анализирую, но оценить не могу. Одну секунду кажется, что хорошо, а потом плохо, а потом так просто великолепно... И я начинаю показывать ее разным людям, чтобы они мне сказали – как! Я принимаю чужие мнения и меняю точку зрения. Похвалили – вижу: замечательная картина. Раскритиковали – начинаю чувствовать, что сделала ерунду. Как маятник. Нет у меня четкой позиции по поводу собственного творчества. Вот про других все знаю, а себя словно не вижу.

– Знаешь, – мама внимательно смотрит на меня. – Я ничего не понимаю в искусстве. Иногда я могу тебе подсказать, но это не бизнес, это что-то совершенно другое, и законы твоего мира мне не всегда ясны. Конечно, меня удивляет твое желание отдать в никуда картины. Поверить, что кто-то, увидев живописные произведения в своем дворе, станет лучше, я не могу. Ты же именно этого хочешь? Изменить мир при помощи картин – это наивная мысль, но красивая, так что делай. Делай... О, второй час, спать иди – тебе же завтра лекцию читать. Ты хоть подготовилась?

– Ага, – сижу, всматриваюсь в распаханное пространство дома, прислушиваюсь к тишине. – А ёлку когда уберешь, февраль уже?

– О, ёлка... Саш, я знаю тебя лучше, чем ты сама, и всю эту историю ты придумала от тоски, но учти, еще ни разу ты не сделала ничего хорошего без любви. Вот сейчас тебе кажется, что эта задумка идеально понятна, что все будут видеть эту... акцию твоими глазами, но на самом деле никто ничего не поймет. Ты спасаешься от тишины – хорошо, только не заблуждайся насчет великой миссии.

Иду в душ и залезаю в кровать. В этом доме мне отведена целая комната с гигантской кроватью и телевизором, который показывает только три канала из-за сосен – они перекрывают сигнал наглухо. Мне осталось спать всего несколько часов, а завтра ждет дорога, утренняя пробка, лекция и все то, что записано в ежедневнике. Но вместо обычной пустоты ощущаю пульсацию. Пусть ничего не понятно и нет той самой любви, но сердце колотится бешено и что-то началось, что-то.

Утром человек думать не может. Утром человек пьет кофе, держится за живот, потому что его мутит от недосыпа, и больше похож на амебу. Для обретения формы надо встать под воду и стараться не уснуть прямо так, прямо тут. Утром у меня все мысли замкнутого типа: «И вот я прихожу, и вот я прихожу, и вот...» Можно не мучиться и пользоваться чужими – в полной внутренней тишине я просматриваю телевизионную бодрость. Ни за какие деньги бы не согласилась работать на утренних эфирах. Если они уже в пять часов улыбаются и машут,

это их в четыре посадили на грим, а выехали на работу они в три, а встали в два? Или они не ложились? И так каждый день...

Вчера я не догадалась взять с собой приличную одежды, а у мамы припрятаны только летние платья, что даже для моей Мухи несколько излишне экстравагантно. То есть для преподавателя слишком, а студенты позволяют себе всё и еще немного. Они носят балетные пачки с ватниками, втыкают в волосы искусственные цветы и кисти, бреются налысо и красятся в пять цветов одновременно, они переделывают рубашки в штаны и штаны в кофты, для них все является полем эксперимента, где цвет и форма – это всего лишь возможность для выражения, а собственное тело – демонстрационный объект. Но у меня для них сегодня только джинсы и никакой свитер.

К первой паре приезжаю, сделав крюк через «Кофе-хаус», где мне наливают в пол-литровую бадью горький-горький кофе. Лекция. Мне нравится переноситься в прошлое, оставаясь в настоящем. Не напрягаю нежный студенческий мозг датами, развлекаю интимными подробностями жизни царей и цариц, завершаю мероприятие словами:

– Этот город был сном Петра, однажды он увидел его, полюбил и превратил абсолютно непригодные для жизни территории в самый европейский город России. Идея – это возможность, и воля императора была так велика, что даже после его смерти город продолжал расти и развиваться.

Пауза. Финальная точка.

От совершенно свободного утра надо перетекать к совершенно свободному дню и ехать на Ваську. Неожиданно оказывается, что на улице светло, что вышло настоящее солнце и светит совершенно искренне. Мухинское крыльцо обрывается в ослепительный световой поток, и Соляной переулок, замерзший и больше похожий на речку, словно хочет напомнить, что когда-то он действительно был каналом, а на том месте, где сейчас учатся художники, возводили нешуточные корабли. Машину я оставила рядом с ангелами, которые сидят на декоративных фонарях перед входом в музей Академии, этим маленьким идолам абитуриенты по традиции приносят дары, а они за это обещают удачу. Небо над куполом Пантелеймоновской церкви искрится синью, прозрачной и чистой, а снежные стены делают город нарядным, и каждая сосулька звенит солнцем. А триста лет назад его просто придумал один человек.

Соляной переулок – это особое место в жизни, мимо которого я однажды не смогла пройти. Допускаю, что все могло случиться иначе, но после школы надо было сделать свой выбор. Это была истинная мука. Напряжение одиннадцатого класса не поддается описанию, все мы тогда задавались только одним вопросом: что дальше? В облаках или в ветре прочесть предназначение было невозможно, на Таро я тогда еще гадать не умела, а родители твердили только мрачное: «Поступи». Куда и зачем, они не знали, но больше всего на свете мы боялись пролететь, не попасть. Страх промахнуться не было, казалось, что мир – это бесконечная возможность, что любое решение можно изменить. Мои подкурсы были очень ненапряженными – приходила и слушала рассказы про историю России, которые мне и еще трем самоопределившимся читал посвященный в высшее знание профессор. Я была совершенно явным художником, училась в художке и выставлялась лет с пятнадцати, но определиться со специальностью никак не могла, а чистых живописцев учили только в Репинке, а там было душно и пыльно, так что оставалась Муха с искусствоведением как компромисс и судьба.

Удерживая в себе просветленное состояние, переносюсь через мосты, стараясь не очень заглядываться на панорамные разлеты реки и силуэты набережных, знакомые с детства. Петр Николаевич – мой издатель и редактор – ждет меня в своем клубе литературно-концертного назначения, где продаются книги и кофе и по вечерам играют разные хорошие люди всякую никому не известную музыку.

– О, заходи, – Петр Верлухин напоминает сенбернара, который по своей доброте никого не ест и даже ни на кого не лает, потому что очень сильный и очень умный. Он стал писателем

так давно, что успел сочинить целую библиотеку. В Питере осталось всего несколько писателей, которых называют классиками, так вот он один из них. Его лично поздравляют великие люди со всяческими юбилеями, и в Смольном нет двери, которая была бы перед ним закрыта, но он не памятник самому себе, и благодаря этому уникальному качеству Верлухин обогатил русскую литературу парой десятков хороших писателей. Он находил их в сети, печатал им книжки и выпускал в полет. Мне повезло быть в этой стае.

– Привет, – вот сейчас мне придется признаться, что я бездарь. – Ничего не пишется.

– Совсем? – он расстроился.

– Я думала написать про конец света, но только ленивый об этом ничего не сказал. Все только и делают, что обсуждают, как именно наша Земля налетит на небесную ось.

– А хороший сюжет, зря отказываешься, – он гений, ему любой сюжет хорош. В дверь кабинета просовывается узкое, поросшее беспорядочной растительностью лицо.

– У нас засорился туалет, – печально произносит лицо и исчезает.

– Вот тебе и конец света. Можешь и не писать, твое дело, конечно, но только ты учти: у тебя в запасе полгода, чтобы о себе напомнить, потом начнешь как с нуля. Напиши про любовь, про мужика, а то я уже волноваться начинаю, может, ты девочек любишь? Хотя это тоже сейчас нормально. О девочках тогда напиши, не стесняйся.

Он уходит разбираться с сантехникой. Конечно, только девочки вокруг, что еще обо мне думать. Не уезжать же, не выпив кофе, прошу себе эспрессо и, обернувшись, приседаю от неожиданности. Игорь. Это мой персональный человек-бумеранг. Я его от себя отбрасываю, он некоторое время летает где-то, а потом прилетает и больно ударяет в темя.

– А я тут твою книжку читаю, – демонстрирует обложку, чтобы я не сомневалась.

– Мысли материальны, – выхода нет, придется сесть и разговаривать, только в глаза ему смотреть не хочется, потому что он взгляд ловит и держит. И делает это со значением.

– Ты мне снилась... – произносится это так, словно бы я специально пошла к нему сниться. Да, безобразие какое, надо извиниться и прекратить являться во снах к мужчинам. Про вид, в котором я ему привиделась, уточнять не буду. Он поправляет прическу, снимая и надевая обратно ободок. Бабский такой жест.

– Как выставка проходит? – мне больше не о чем спрашивать, а сразу убежать неудобно.

– Успешно, – под этим надо понимать, что он сводил туда своих студентов и престарелую маму. – Студентов вот своих водил, показывал.

Пью принесенный кофе и стараюсь не открывать рта, поскольку ядовитые колкости так и мечтают выскочить наружу.

– Я на днях был на прекрасной выставке, есть такой русский художник – Левитан, – я сейчас его укушу. – В корпусе Бенуа, – и смотрит так нежно, словно бы просто поддерживает светскую беседу. А я злюсь все сильнее, несколько непропорционально ситуации, потому что можно было бы просто поддержать шутку, а во мне очень серьезная ярость закипает. – Я удивляюсь, как ты можешь не ходить на выставки...

У него самозародилась странная легенда обо мне, в которую он свято верит. Суть ее заключается в том, что я никуда не хожу и ничего не смотрю, потому что я не хочу это делать каждый день. А сам он так устроен, что посещает большинство мероприятий, стараясь таким образом занимать одинокие и бессмысленные вечера. Наши же с ним отношения совпали с периодом, когда у меня было несколько проектов одновременно и тратить время на скучное ничегонеделание я не могла, а большинство выставок и премьер подпадают именно под это определение. Но Левитан – это уже слишком.

– Я была на Левитане, – вынужденно вру, мысленно обещая сегодня же посетить эту эпохальную экспозицию.

– Надо же...

За соседним столиком мужчина, похожий больше на подземного гнома-книгочея, разъяряет брызжащей восторгом девочке-студентке особенности перевода с идиша глагола «пламенеть», и они с наслаждением перекатывают звуки гортанного языка. Сказывается близость университета – интеллектуальный бульон настолько наваристый, что двум молекулам тесно, сейчас пойдет кристаллизация.

– Слушай, а какой стандартный размер листа оргалита? – внезапно переношу наш разговор в деловую плоскость.

– Ну, метра три на полтора. А зачем тебе? – Игорь никак не может поверить, что я тоже художник, несмотря на то, что мы окончили один и тот же институт с разницей в пять лет, имеем примерно одинаковые дипломы и состоим в одном Союзе художников. С той только поправкой, что он в театральной секции, а я в секции живописи. После мухинского искусствоведения я таки самоопределилась и пошла учиться в Театральную академию, где из меня сделали художника негуманными, но действенными методами. Игоря воспитали там же.

– А знакомый плотник есть? – я продолжаю свой внутренний мыслительный процесс, и мне нужны ответы.

– Нет, что ты задумала?

– Я задумала одну игру, в которую, если повезет, сыграет весь город, и, если повезет еще больше, я сделаю то, чего никто и никогда не делал. Где тут ближайший строительный? Хотя можешь не отвечать, я уже вспомнила, – меня поднимает и уже несет к выходу.

– Давай увидимся как-нибудь? – Игорь вскакивает и пытается меня то ли проводить, то ли удержать.

– Да-да, конечно, увидимся, – обещаю на лету. Мной движет влюбленность в идею, которая вполне способна заменить любовь к мужчине. Чудовищно, но женское образование пока обязательно, а я его явная жертва. Уже в дверях оборачиваюсь и бросаю на Игоря оценивающий взгляд: может, он мог бы дать мне необходимый эмоциональный заряд? Нет, не он. Но будем искать.

Мне не впервой таскать по улицам странные предметы: за годы учебы в Театралке с чем только я не ходила. Огромные папки – это самое невинное. Однажды мне надо было перетащить метровую голову зайца из дома, где я ее наваяла, к заказчику, который жил на другом конце города. Дело было весной, и я пересекла Каменноостровский, Марсово поле, Садовую и часть Московского проспекта, неся на плече чудовищное животное, и это доставило мне удовольствие. Иногда я ходила с пучками разноцветных перьев, порой с охапками тканей – машины-то не было, а сегодня перенесла из соседнего магазина лист оргалита и связку дров, чтобы придать листу твердость. Неожиданно выяснилось, что при размере метр семьдесят на два семьдесят оргалит начинает неприятно прогибаться и закручиваться. Приходилось оббегать лист то справа, то слева, подтягивать его и подволакивать, постоянно попадая под это невыносимо нестабильное полотно. Если бы не лед, это была бы абсолютно провальная операция. И как я потащу эту штуку до места дислокации, и как вообще с этим работать? Столько вопросов... А совершенно незаметное в обычной жизни расстояние от магазина хозтоваров до дома превратилось в бесконечную пытку. Спасли меня два таджика (или узбека, я не очень понимаю, как их различать), которые, ни слова не говоря, просто подхватили листы и донесли их до ворот. На втором заходе в магазин я стала богаче на кучу реек, гвозди, ножовку и металлические петли – надо же все это как-то ставить на землю. Автоматически пришла в голову классическая форма складня. Так и легче нести по частям, и не дробится изображение. Можем считать, что первый перформанс в моем проекте уже случился.

Мама позвонила поинтересоваться, не прошел ли мой припадок гениальности, и подробно описала, что могло бы стать настоящим проектом. По ее словам не хватало зрелищности.

– Надо жечь, – заявила она. – Делай из бумаги и жги. Корабли, вышки нефтяные, что хочешь, но потом все это преврати в большой костер! И тогда это действительно зрелищно. Все запомнят, будут рассказывать, у тебя появятся последователи во всех городах... Можно спалить портреты политических деятелей или символические деньги, но тогда будет скандал, и тебя посадят, но неизбежно прославишься. Помнишь, твой приятель Миша именно этим в Париже и занимается.

– Пусть Миша и занимается дальше...

Хорошая идея, да, уже на втором костре меня повяжут и посадят по какой-нибудь статье. Это абсолютно точно – пожарные не дремлют, а у меня нет удостоверения пиротехника и права на работу с огненной стихией. Но если задуматься, Питер достоин не огненных плясок – он никогда не был языческим городом, огнепоклонников тут не водилось, и это не отражает его сути. Здесь не горят страсти, они, наоборот, затухают, леденеют... Что мучает нас сильнее всего? Какие проблемы мы решаем? Что зацепит любого, что заставит пройти по тому пути, который я предложу?

Но мама не питерский персонаж, она существует вне пространства и поэтому видит мир структурированным и четким, она никогда не поверит, что тишина может привлекать людей сильнее, чем крик. Может, она и права, но жить в визжащем мире невыносимо. Так просто заставить говорить о себе, убив кого-нибудь с особой жестокостью. Идеально – это сесть в тюрьму, тогда появляется ореол мученичества от системы, что обожают интеллигенция, которая вознесет меня на знамя, какую бы глупость я до этого ни сделала. Элементарно так привлечь внимание, но обернуть зрочки в душу, позволить человеку найти в себе что-то новое – это так сложно, что и браться не стоит... Что-то я перебираю с пафосом. Надо бы поосторожнее. Чем проще, тем действеннее.

Все равно сейчас я ничего не решу, а меня через полчаса ждут в «Жан-Жак». Есть у меня несколько подружек, объединенных схожими жизненными показателями. Они замужем, работают для развлечения, две родили по одному небольшому ребенку, заботу о которых перепоручили нанятому персоналу и родственникам, а третья – Наля решила обойтись без этих сложностей и завела крошечную собаку, чтобы потренироваться и понять, какая она будет мать. Пока выяснялось, что никакая, так как собака переехала жить к Налькиным родителям.

Раза три-четыре в год дамы посещают европейские распродажи, африканский сафари и латиноамериканские карнавалы, внимательно следят за модой и не позволяют мужьям ездить на машинах старше трех лет. Каждая из них считает, что знает жизнь лучше меня, и старается вернуть на путь истинный, который проходит через косметолога, парикмахера и спортзал, а я уворачиваюсь угрем и обычно успеваю исчезнуть до того, как они меня зазомбируют.

Наля, Люба и Жанна – наследство моей искусствоведческой карьеры. В отличие от странной меня, у которой были какие-то неясные цели, подружки еще на первых курсах определили направление развития и отбирали мужчин по марке машины и надежности их бизнеса. Основной заботой на настоящий момент была красота и молодость собственных тел, и они отчаянно боролись со всеми признаками разложения плоти. Поверить в тот непреложный факт, что обычно у женщин сначала прыщи, а потом морщины, и это в том случае, если удалось избавиться от первых, мои подружки были не в силах. Когда-то они получали сертификаты экспертов по декоративно-прикладному искусству, но сегодня на экспертном уровне каждая из них знала косметологию.

– Саша, еще немного, и будет поздно, – мистическим шепотом Наля наводит на меня ужас. Стараться не надо, она напоминает засушенного богомола. У нее по неизвестным причинам уехала крыша, и теперь ей кажется, что она поправляется, хотя худеть дальше, по-моему, просто некуда.

– Тебе нужна мезотерапия, – поддерживает Люба, для которой вколоть в себя сто уколов гораздо легче, чем сделать утром зарядку.

– Посмотри на свою попу, – скорбно заявляет Жанна, и они все вместе сочувствующе смотрят туда, где я сижу. По правде говоря, я широка в кости и маленькой никогда не была, а уж добиться миниатюрности Жанны мне не светит, даже если я эту попу отрежу совсем. Жанна единственная из девочек вспоминает, что такое работа, потому что время от времени ей приходится закупать новую коллекцию для своего мехового салона, подаренного мужем в надежде на несколько лет благодарного мира.

– Девочки, я такой проект придумала... – в который раз пытаюсь начать рассказ, но они сговорились и заняли стратегическую высоту для нападения.

– Нам совершенно все равно, какие ты придумываешь проекты, но когда твои фотографии печатают в журналах, нельзя, чтобы ты выглядела старой короной, – Жанна нападает, размахивая саблей и конем, она страшный человек. Очень маленький, но страшно опасный.

– Не надо так переживать. Я художник, а не модель, и мне можно... – договорить не успеваю, потому как мне в подробностях рассказывают, что мне можно, а чего нельзя никогда, и как я обязана выглядеть, и что надо убрать, а что накачать. Следуя их логике, мне срочно следует отсосать пару литров себя из бедер и вкачать их в губы. Представить результат этой трансформации несложно, так что мой хохот заставляет атаку захлебнуться.

– А я недавно видела Павла, – Наля задумчиво смотрит в зеркальный потолок, потом переводит томный взгляд на барную стойку – несмотря на прекрасный брак и существование волшебного мужа, ей постоянно надо находить подтверждения своей женской привлекательности. Она старается отразиться в каждом бармене и официанте, не говоря уже о трех товарищах за соседним столиком, которые обсуждают, как именно они будут мучить четвертого, поскольку он опаздывает уже на час. Смысл сказанного Налей доходит медленно.

– Павел... – Люба включает память. – Это тот парень, который не стал поступать в Муху? Я помню, ты о нем рассказывала, когда мы еще только поступили, и еще год по нему иссыхалась, – прекрасная память позволила Любке блестяще окончить институт, так и не научившись анализу, что, может, и к лучшему, учитывая форму и размер ее сногшибательного бюста и разрез глаз – генетический подарок прабабки японки. – Что он сейчас делает?

– А я его с тех пор и не видела ни разу. Он поступил на какие-то информационные технологии, и все, – нет, это было далеко не все. Павел был моей самой ранней и самой непонятной историей, и я хотела и боялась найти его. – Наля, а какой он?

– Мы столкнулись в метро на три секунды, он меня и не узнал, бежал мимо. Ну стильный такой, знаешь, стремительный... Но я не могла ошибиться – точно Павел.

Наля, как существо более посвященное в мою внутреннюю жизнь, знает, что для меня значит эта новость, и я просто держу себя за руку, чтобы не задать самый глупый из возможных вопросов.

– Кольца на пальце не было, не женат, наверное, – задумчиво тянет Налька и долгим взглядом провожает официанта. В отношении к ботоксу мы не сойдемся, но связывает нас не только институт.

Чтобы не дать Жанне выстроить точный план захвата цели и дальнейших военных операций по созданию очередной ячейки общества, задаю провокационный вопрос о модных тенденциях на весну и погружаюсь в щебет, который исходит сразу с трех сторон. Другой бы, а тем более мужчина, сошел с ума, но я просто ем странноватый салат из киви с авокадо и думаю о Павле.

Назвать его Пашей никогда язык не поворачивался, так было всегда. Павел. Он хотел, чтобы еще и Игоревич, но это уже слишком. В том июне, когда финал со всей школьной истерией уже был близок, мы должны были понять, куда нам бежать. Его аттестат был таким же манерным как мой, даже школы у нас были одинаково странными – мы учили финский язык, только я на Миллионной, а он в районе озера Долгое. Серебряные медали мы заработали из любопытства, и по законам того времени имели право поступить в любой институт, сдав только

один экзамен. Муха, разумеется, не собиралась отменять свою классическую пытку для тех, кто грезил стать художником, а Павел мечтал именно об этом. Я не дала себе труда придумать что-то более сложное, чем искусствоведение, и не хотела идти на компромиссы в виде кафедры керамики или даже моды: раз нет чистой живописи, решила просто думать; а он четыре раза в неделю ходил и отрисовывал гипсовые головы, писал натюрморты и вычерчивал какие-то флоральные композиции.

Так была устроена наша тогдашняя система, что документы можно было подавать только в один институт. Существовали, конечно, не очень упертые заведения, которые принимали копии аттестатов, но лучшие вузы брали только оригинал. И мы сходили с ума, ведь везде приемные экзамены в одно время и, промахнись ты с выбором, год вылетает в трубу. А именно этот страшный год, год без института, был кошмаром наших родителей, ну и нашим. Девочки просто опасались, а мальчиков били конвульсии, ведь в случае неблагоприятного исхода их подкарауливала наша гостеприимная армия сроком на два года.

В нашу последнюю встречу Павел ждал меня на мухинском крыльце. Он стоял ко мне спиной, такой тонкий, порывистый, как гончая. Мы пошли и сели напротив Музея блокады. У меня тогда была невероятной красоты белая жатая юбка в серых розах и кружевная крылатая кофточка. Наверное, на солнце я светилась, но он не смотрел на меня, а лег на скамейку, закрыл глаза и сказал, что решил не рисковать. Все знали, что после школы мало шансов попасть в Муху, да и военной кафедры здесь нет, а почувствовать на себе, что значит быть танкистом, он не хотел, и два года из жизни терять было обидно. Он говорил, а я смотрела на его птичий профиль, острый и ранящий, словно его нарисовал Фра Анжелико, и мне казалось, что сердце сейчас разорвется, потому что он оставлял меня одну тут, а сам уходил в неизвестный, чужой мир. Умом я понимала, что решение логично, здраво и выстрадано, но эта логика была сплошной формальностью.

Я осознанно выключаю звук, чтобы не слышать своего голоса, чтобы не вспоминать, что именно я тогда ему говорила, а потом и кричала. Мне хотелось докричаться до него, исправить то, что уже невозможно было изменить. Кто-то выключил ток, и магнетизм, который удерживал нас рядом, исчез, и неумолимая сила оттолкнула его от меня. В один момент Павел вскочил, посмотрел прямым и яростно огненным взглядом и ушел. В ту секунду я осознала, что не смогу даже позвонить ему. Никогда.

А что если все картины я напишу для него? На улице или в Интернете, по телевизору или в журнале, но он столкнется с моим посланием и поймет его. Если, конечно, он остался тем же человеком. Считаем это личным мотивом, или можно назвать иллюзией, но мне надо за что-то держаться, раз воздух потерял плотность. Если нет реальной любви, нет настоящего чувства сейчас и я лишаюсь топлива для творчества, то почему бы не воскресить ту историю, трансформировать ее и зарядить мои живописные батарейки от ядерного реактора, спрятанного в прошлом?

Ночью, как Кашей, чахну над эскизами. В голове какая-то муть. Надо придумать картины, которые будут заметны в городе и понятны Павлу, но столько неизвестных, а я никогда не была сильна в уравнениях. Между диваном и телевизором, который демонстрирует мне конкурс фотомоделей, ложусь на пол и закрываю глаза.

В художку я попала совершенно случайно, группа два года проучилась без меня, и незаметно прийти было невозможно. То, что именно здесь учится Павел, я не представляла, на тот момент знакомы мы были очень давно, хотя и встречались редко. Последние несколько лет не виделись. Когда я вошла в класс, он рисовал натюрморт со сложной корзинкой и, увидев меня, просто показал на соседнее место.

У него тогда был вид вострапанного воробья, потому что волосы отказывались принимать какую-либо форму и торчали во все стороны одновременно, а он не расчесывал их, а просто

проводил по голое руками, словно рыхлил землю. При этом каждое движение было отточенным и простым, и эта природная грация делала его похожим на принца из книжек Корчака.

Он работал сосредоточенно, и его рисунки традиционно перекочевывали в фонд художественной школы и посылались на всевозможные городские отчетные конкурсы, но вот живопись Павлу не давалась, он не мог преодолеть черту, отделяющую реальность от изображения. Он боролся с акварелью в попытках довести картину до фотографической точности, но вместо этого получал сухую, бездушную поверхность. Иногда я нападала на его сероватые опусы и привносила в них цветовую истошность, которую он методично изводил лессировками. Мне же его помощь была необходима в построениях, поскольку все чайники и крынки стремительно теряли свою симметрию под моей рукой.

Как-то мы засиделись допоздна, уже все ушли, а мы остались заканчивать натюрморты. Особой необходимости в этом не было, просто мы сидели и болтали. То есть больше болтала я, а он отвечал. Говорили, как тогда было принято, о смерти. О чем еще можно разговаривать я пятнадцать лет? Мы были романтически настроены, то есть предполагали, что красиво погибнуть во цвете лет – это достойная цель. Еще была тема любви, но она была непроизносима и только светилась за каждым словом, потому что мне до икоты хотелось узнать про его девочек, но он не рассказывал, а я не чувствовала, что имею право спросить. Он всегда расставлял неназванные границы, словно нас разделяло стекло, и я не знала, что можно, а что категорически запрещено. Возможно, что таких запретов объективно не существовало, но мне дорого было время, прожитое с ним, поэтому я боялась спугнуть его, как дикого зверя, приманенного, но не прирученного.

Нас прогнала разъяренная завуч, которая не понимала, что можно делать в мастерской после девяти часов, когда школу уже хотят запереть на шесть замков. Выгнали, и мы стояли на холоде, потому что была уже поздняя осень, а он почему-то ходил в тонком черном плащике. По каналу Грибоедова напротив Казанского собора, преодолевая плотное сопротивление сонного воздуха, мы пробирались к метро, и он взял меня за руку. Кого не било током, тот не поймет. «Пойдем быстрее», – поторопил он, но руку не отпустил, и в метро я думала, как бы так вытащить карточку, чтобы не разъединять рук.

– Саша, – голос Верлухина пробуравливается в мозг, и я делаю героическое усилие, чтобы встать, понимая, что всю ночь проспала на полу. – Надеюсь, что ты уже начала писать текст, потому что иначе я вычеркну тебя из списка.

– Какого списка? – голос мой далек от бодрости и содержит явные призывы сна.

– Из самого главного, – а, это такая шутка, я уже почти способна понимать, несмотря на боль в шее и других частях необъятно неуклюжего тела. – Более того, я настоятельно рекомендую новую книгу писать от мужского лица.

– Почему? – какой неожиданный поворот событий. Делаю попытки сесть, подтягиваюсь и облокачиваюсь о диван.

– Потому что я вчера вечером имел долгий и обстоятельный разговор о тебе с моим старинным другом. Он критик, человек безупречного чутья и репутации.

– О ужас, – утро не самое приятное время для подобных новостей.

– Еле дотерпел, хотел позвонить еще вчера, но было поздно. Так вот, он сказал, что, если ты напишешь еще один роман как женщина, это будет литературным самоубийством. Так что изобретай героя и пиши. Только так, с чувством подойди к вопросу. Поняла?

– Я же не мужик! Я не могу, я не знаю, как вы думаете! – что еще сказать, если я не понимаю, как они вообще умудряются существовать.

– Да ладно прикидываться, не маленькая. Все замени на мужской род, и будет прекрасная книжка.

– Да конечно, взять женщину, лишить ее чувства привязанности и ответственности, и мы получим мужчину? Вы же ни разу не написали от женского имени!

– Мне-то зачем?! Я, слава богу, родился мужиком, поэтому никто не сомневается, писатель я или так, домохозяйка без определенного рода занятий. А вот ты выдумай мне мужскую книгу, иначе тебя впишут в «женскую литературу», там и похоронят.

– А букеровская премия уже ничего не значит?

– Просто пышно похоронят. Все, успехов.

Пока отмокаю под душем, понимаю, что все собралось одно к одному. У меня есть живописный проект, у меня есть герой, которому он посвящен, так пусть этот герой и напишет историю о себе. Чуть запутанно, но не настолько, чтобы думающий человек не разобрался.

На завтрак у меня ничего нет, кофе плещется в голове и животе, я подхожу к компьютеру и начинаю новый текст. Мне не подходит ни одна из старых форм, и раз уж придется писать от мужского лица, пусть это будет непроговоренное, не услышанное мной. Пусть это будут слова, заполняющие пустоты моего прошлого. Что я знаю о чувствах Павла ко мне? Ничего, кроме догадок, но вдруг, когда я проживу нашу историю через него, все станет кристально ясно, прозрачно, и я смогу отпустить это воспоминание? Предлагаемые обстоятельства вымышленного героя. Станиславский, я призываю тебя, потому что щадящий Михаил Чехов мне не подмога. Это, конечно, дневник. Не буду первооткрывателем: блог – не самая большая литературная новация, но именно там, на контрасте между публичным и сокровенным скрывается красота.

Мы часто пишем для друзей одно, а для себя совершенно иное, потому что боимся признаться окружающим в своих несовершенствах, обнажиться, остаться правдивыми и мягкими, похожими на новорожденных кротят. На публике мы – бравурные шуты, перекидывающие ломаные слова интернет-наречия, этой «олбанщины», не похожей ни на что, отыгрывающейся за все унижения на уроках русского языка и литературы, за все пропущенные запятые и неправильные гласные в корне. Для широкого круга эта белиберда из цитат и ошибок становится прекрасной маской, но когда мы остаемся сами с собой, приходит простая и чистая речь, растворяющая напряжение в черно-белом пространстве компьютерного редактора.

Мой герой будет жить чуть впереди, открывая дверь в будущее, пусть так, может, это и есть личная машина времени.

Пользователь ascedera 1 марта 2011 года 23:41

Авгиевы конюшни разгреб. Я красафчег! Зима маст дай. Готовьте печень к субботе все помним про Град Петрофф?:)))

Народ, кто знает, чо за изкузтво на улицах стоит? Картины никто не видел?

Закрытая запись пользователя ascedera 1 марта 2011 года 23:46

Как говорится, ничто не предвещало. Ну сколько раз я ходил по Пестеля, на Соляной заглядывал, хотя и колело что-то, но терпимо. Сегодня шел к клиенту – у них ухнула вся сеть, надо было поставить ее на место. Удивительные тетки, такие тоскливые, что никакие компьютеры этого не выдерживают – отказываются работать. Думал им портрет свой подарить, чтобы стоял перед компом и поднимал боевой дух техники, но так и не сделал. Работы там обычно на час в лучшем случае, так что потом можно было бы взять доску и уехать в «Игору» со Славкой. Было бы можно, но тут между двумя сугробами споткнулся о щит, тот чуть не упал, пока я его ловил да ставил, понял, что это картина, точнее, три картины, триптих. Стоят под углом друг к другу и одна в центре. Получается как улица. Отошел на три шага посмотреть, и тут меня накрыло. Как тяжелье наркотики.

На картине был точно тот же пейзаж, что вокруг: церковь Пантелеймоновская, дома по Пестела за ней, машины едут, но вместо Соляного, то есть вместо мостовой, канал – вода. Словно я стоял не на улице, а сейчас тонул или плыл. И самое удивительное, я понимал, почему это так. Я откуда-то помнил, что на месте Соляного был прорыт канал для Партикулярной верфи. Что за верфь? Кто мне об этом рассказывал?

Я стоял и смотрел. И меня стало укачивать, хотя я осознавал, что это только картина, она не может двигаться, но эффект был гораздо сильнее, чем в этом уродском 3D, когда у тебя болят глаза и голова, а где-то летает муха.

Насильно оторвал себя от картины и увел. Но в голове все крутились обрывки фраз, и вспомнилось сразу много того, что хотелось забыть. Отчетливо, как заново. Кто не знает, я хотел поступать в Муху на дизайн. Тогда было отделение информационного дизайна, и конкурс на него был самым высоким во всем институте. Набирали группу всего семь человек, чему учили, я не понимал, но было очень круто. Ходил на подкурсы как бешеный, четыре раза в неделю ездил с Северо-Запада туда, а метро «Комендантский аэродром» еще не открыли, и дорога после школы занимала тогда полтора часа и обратно столько же. И я мутился со всеми этими головами-черепами, рисовал по ночам. Вот мог бы быть художником, человечество потеряло гения.

Меня Муха восхищала – там в огромных коридорах было торжественно и глухо, но я чувствовал безнадежность, как в машине, которая уже на встрече, и виден твой персональный смертельный столб. А когда летом перед экзаменами принес показывать преподам работы на допуск, они мне сказали, что если бы я на другой факультет шел или хоть на другую кафедру, то шансы бы были, а так без вариантов просто. Вот я тогда остался стоять в огромном зале под мутным куполом, из которого падали стекла, и понял, что надо забить на все это и идти в другое место. Просто оборвал все и поступил в Бонч – это вообще было элементарно, потому что я крутой чувак и гуру математики, а на искусство это забил большой пластилиновый болт, ибо не знаю что, но, видимо, судьба.

И всех, с кем в Мухе общался, просто отрезал от себя, чтобы не травмили душу, и на выставки лет пять не ходил. А тут вот с Новым годом. Мало того что всколыхнуло и перевернуло всего, так еще и... ну, это совсем не надо.

Не поехал на гору, потому что застрял у бухгалтерских баб на пять часов. То ли я замедлился, то ли они мне мозг ложками съели, но никак было не уйти, а когда вышел, картина исчезла. Унесли или украли... Или мне привиделось? Отпусти меня, волшебная трава.

Откидываюсь в кресле и вынимаю руки из будущего. Не могу сказать, что случилось чудо перевоплощения и я была Павлом, зато случилось другое чудо. Само по себе стало понятно, что должно быть на первой картине. До этой минуты я не могла придумать ничего, как ни старалась, а теперь, когда глазами героя увидела картину, остается лишь малость – написать ее. Так что сразу от компьютера перехожу к водным процедурам: наливаю воду, развожу колеры, и вперед. Уж Пантелеймоновскую церковь я помню наизусть.

Где-то часу на пятом работы, когда моя память начинает пробуксовывать, лезу в Инет в поисках нужных видов и меня выцепляет Павлина, которая словно сидела в он-лайн-засаде. Выясняется, что у нас были планы на завтра, послезавтра и еще три дня, и эти планы не имеют никакого отношения к моей работе. Скорее даже наоборот, они перечеркивают рабочий экстаз,

потому что еще в декабре мы записались на танцевальный психотренинг. Такого зверя я еще не видала, а согласилась на подобное безобразие только потому, что ожидала наступления февральской депрессии и готовилась к ней заранее. Что может быть позитивнее, чем танцевать? Вот и я не придумала, поэтому Паша теперь бегаёт по потолку и призывает пойти и купить что-то танцевальное. Действительно, ничего пригодного для раскованного и свободного движения в Пашкином гардеробе я не припоминаю, да и в своем тоже, так что идея пройтись до ближайшего магазина спорттоваров не лишена смысла.

Танцы в моей жизни – это особая статья. Я их люблю, они меня нет. Способностью вывихнуть коленку или стопу на ровном месте я обладаю с детства. Нет ничего легче, чем растянуть бедренную связку или защелкнуть шею. Да, с ловкостью проблемы, но это не мешает мне страстно любить танцевать. Время от времени я нахожу студию, пару месяцев регулярно занимаюсь, а потом случается что-нибудь непредвиденное: переезд студии, уход преподавателя, наступление лета или эпидемия гриппа. И все. Я танцевала латину, фламенко, джаз-модерн, стрит-стайл, могу снять движение на ходу и скучаю, физически скучаю по тяжелой и сложной пластической работе, но постоянно находятся тысячи причин заниматься более серьезными делами. Это значит быть взрослой.

Как танцует Паша, я видала только раз. Ну, она слышит музыку. Наверное, для психологически-танцевально тренинга этого достаточно. Вот Нинку бы сюда из города Парижу... Это всем танцорам танцор, да еще и в паре... Как нам хорошо танцевать вдвоем, как ни с кем, только один парень был лучше нее, но он испанец, что все объясняет.

Уже почти ушла – вякнула почта. Мама сообщает, что нашла для меня трубача. Не простого – целый военный оркестр. Она не любит мелочиться. Прекрасно, не знаю зачем, но спасибо. Трубачей у меня еще не было.

– Как ты думаешь, – Паша задает риторический вопрос, моего мнения она все равно не послушается, – вот мне взять эти штаны или лучше тот комбинезон?

Прекрасно, что бы она ни выбрала, я завтра пойду на семинар либо с девочкой в васильковых шортиках, либо с подростком в кислотно-желтом комбинезоне. Может, есть способ ей объяснить, что это нелепо, ну хоть посредством танца что ли... Мы приехали в самый большой спортивный магазин в городе, чтобы она нашла самый непостижимый наряд.

– А вот чудесный костюм, – делаю последнюю попытку подsunуть вменяемую одежду, но у Пашки такое отвращение на лице, что спорить бесполезно.

Себе выбираю просторные черные штаны с белыми лампасами и топ, составленный из трех частей, которые на вешалке смотрятся набором тряпок, а на организме приобретают вид сложной драпированной красоты. Вот такая я танцовщица.

– А нам танцевать-то завтра дадут? – озабоченно спрашивает Павлина, укладывая на кассу васильковый комплект. Они все завтра ослепнут, и семинара не будет.

– Если быть до конца честной, то я не представляю, куда мы идем. Это какая-то очередная афера. Как они собираются нас развлекать три дня – это большая загадка. В расписании значится с десяти до пяти. Столько даже балерины у станка не стоят.

– Может, будем лежать, – Пашка склонна к горизонтальному существованию в свободное от работы время. Я, впрочем, тоже, да и затекшая от сна на полу шея не очень двигается.

Довожу мадмуазель Медиакритскую до дома, ради чего приходится вступить в борьбу с нечеловеческой пробкой на Ушаковской развязке. Сочувствую всем, кто живет на Савушкина и дальше. Когда мне под колеса бросается очередной обезумевший псих на БМВ, не выдерживаю и начинаю материть самыми отборными словами тех, по чьей вине я оказалась в этом месте в это время.

– Ромаха, ты помнишь, что обещала на мне жениться? – Паша обладает очень хорошей памятью, а я – странным чувством юмора. – А до сих пор не женилась, так что считай, что эта мука тебе в счет невыполненных обещаний.

– Паша, я не могу, ты же знаешь, потому что нам будет очень грустно, я же не мальчик, ты не забывай, пожалуйста. Хотя вот книжку начала писать от мужского имени.

– Да ты что? Это же просто суперход – не повторяешься, да еще с каким шиком! – вот, филологи в восторге.

– Посмотрим, что из этого получится. И еще – это форма интернет-дневника. Конечно, я не новатор, но все-таки...

– И будешь публиковать в сети?

– Как вариант, но не думаю, что такое развитие событий обрадует Верлухина, он-то рассчитывает на книжку, которую можно продавать, а сеть у нас самая бесплатная в мире. Может, частями...

– А кто герой? – Паша задает этот вопрос как раз в тот момент, когда я пытаюсь припарковаться к снежной стенке, которая выросла на месте тротуара. – Да провези еще несколько метров, чтобы я не в сугроб вылезала.

Пассы с парковкой оттягивают новость.

– Так кто герой?

– Павел.

Пашка, уже подхватившая пакетики-котомочки, замирает, медленно поворачивается и смотрит на меня в упор. Подруги помнят мои истории иногда даже лучше, чем я. И они никого не прощают, а я прощаю.

– У тебя других мерзавцев не нашлось?

– погоди, не надо так резко. Он мне ничего-ничего плохого не сделал. Никто и никому не сделал ничего плохого.

– Да он просто исчез, а ты после этого на всех смотрела, как брошенный котенок.

– Это полезный опыт, он рано или поздно случается. И из всех моих историй эта была не самой отвратительной. Непонятной – да, но не мерзкой.

– И что он будет делать в твоей истории? – сарказм тут неуместен, во всяком случае не настолько.

– Искать меня...

Мы сидим и молчим, а радио поет нам со школы знакомую песню Ase Of Base.

– Если так тебе будет легче, то пусть хоть весь город ищет. До завтра.

Мне надо, чтобы кто-то меня нашел, чтобы вдруг понял и побежал искать, потому что сама я никого не теряла. Школьная улица отпускает ненайденную обратно на мост, к дому, к картине и тексту. Почему-то именно этот район города я обжила больше других. Я почти не попадаю на Юг города, лишь иногда включая в ареал обитания отдаленные от Петроградки точки. Дальние работы не приживаются, дальние друзья растворяются в пространстве и времени, остаются лишь те, кто живут на расстоянии одного вздоха.

Возвращаюсь домой заливать пустоту созданием других жизней и миров – это действенный метод не пропасть. За один день можно прожить несколько историй, и каждая будет только моей. Могу представить себя командиром звездолета и лететь через вселенную, могу – домохозяйкой с мужем и детьми и тут же подробно исследовать каждый предмет в своем доме, слышать разговоры соседей и моделировать сплетни. В воображении я любая, свободная, идеальная. Такая, какой мне никогда не стать.

Пользователь acedera 3 марта 2011 года 00:12

Братья и сестры, занятие по КИ переносится на через не знаю скока.

Следим за объявлениями, не плачь по мне, Аргентина.

*Закрытая запись пользователя acedera
3 марта 2011 года 00:27*

Не идет из головы картина. Я вспомнил, кто рассказал мне про канал и верфь, и это воспоминание меня не обрадовало. Оно такое большое, что сразу и не охватить. Девочка. Теперь женщина (гадкое жирное слово). Я читаю иногда ее записки в сети, интервью всякие. Смотрю на ее картины, когда их показывают по телевизору, но стараюсь относиться к ней как к абстрактному человеку, незнакомому. Это другая, чужая женщина, которая была очень родной.

Я увидел ее в глубоком детстве, на дачной дороге. Она ехала на трехколесном велосипеде, и у меня был точно такой же. Запомнились две косички, сплетенные сзади огромными синими бантами. И платье в горошек, синее в белый. И смех. Она так хохотала, что невозможно было не смотреть на нее. Посередине улицы рос дуб, огромный и корявый, и под этим деревом сидел цепной добрый пес неизвестной породы. Она бросила псу кусок колбасы и снова расхохоталась. Это было странно, потому что у меня дома никто так не смеялся. Моя мама говорила, что надо вести себя достойно, и это означало тихо.

Я наблюдал за ней насколько дней, прячась за кустами и деревьями, узнал ее имя, когда бабушка позвала ее домой, и однажды подошел и сказал: «У меня есть жук». Чтобы сказать это, я целый день искал и ловил майского жука, потому что не мог просто так подойти, без повода.

Мы подружились и стали все время играть вместе, все лето, потому что наши дома были на одной улице и бабушки дружили, носили одинаковые платья в цветочек, которые шила еще одна их соседка. Это была такая дачная форма. Бабушки отпускали нас гулять за ворота на песчаную кучу, где мы строили лабиринты. Наверное, это уже гораздо более позднее воспоминание, потому что в три года лепят только куличи. Ее звали Сашей.

Каждое утро мы будили друг друга. Кто проснется первым, тот и приходил. Обычно это был я.

В Сашином саду росли яблони, немного, штук четыре, и под ними стоял изъеденный жуками деревянный стол, за которым мы рисовали или лепили или просто сидели. Однажды я выкопал в песочной куче кусок глины, и мы слепили фигурки. Я сделал индейца, а Саша собаку, и мы поставили их сушиться на солнце, но пошел дождь, и глина потекла. Это ничего не значит, просто я помню.

Обычно мы играли в войну, нас брал в общую игру мой старший брат, хотя по возрасту мы не слишком подходили, и тогда Саша была санитаркой, а я сыном полка. Почему-то все хотели быть злыми фашистами, чтобы нападать на добрых партизан и брать их в плен, и тогда нас назначали добрыми и мы прятались в кустах. Было очень страшно, когда вот-вот должны найти, а ты сидишь и закрываешь глаза, чтобы не увидели.

Сначала у нас на участках была вода, много, сколько хочешь. Родители поливали нас из шлангов, когда было жарко, а по вечерам поливали огурцы в парниках, душистых и влажных. А потом вдруг вода стала только в колонках, и мы стали ходить с бидонами и почти весь день носили эту чертову воду, чтобы вечером можно было помыться.

Саша всегда была веселой, только боялась, когда приезжал ее отец. Белая «хонда» была только у него. Сначала у них били золотистые «жигули», это самое-самое детство, а у нас в то время не было машины. Тогда вообще машины, а уж тем более иномарки, были редкостью, поэтому шикарная белая «хонда цивик» ее отца так запомнилась. У моих родителей потом появился серебряный «форд».

Когда белая машина показывалась в самом начале дороги, ведущей в садоводство, Саша вздрагивала и мгновенно убегала домой. Это было не просто послушание. Ее никогда не наказывали, потому что она всегда слушалась.

Я не знаю, любил ли я ее, но очень хорошо помню, как рассказывал, что мне нравится одна девочка из класса. Саша внимательно выслушала и спросила: «А какая она?» Я рассказал о Тане, которая мне действительно сильно нравилась, рыжая кудрявая Таня с огромными голубыми глазами, хрупкая, фарфоровая, бисквитная. Сашу же постригли после третьего класса, и она была больше похожа на мальчишку. Курносая, резкая, смешливая. Она была универсальным уничтожителем нашего времени: придумывала тысячи игр, которые мы потом смело забывали, чтобы изобретать новые, но она была для меня не девочкой и не сестрой, а другом, хотя наступил момент, когда я почувствовал, что для нее это обидно.

Однажды она меня поцеловала. Мы играли в солдатиков на песочной куче, и я особенно удачно сбил одного. Саша подпрыгнула и поцеловала меня в щеку. Мы оба понимали, что это было не спонтанно, но никогда не говорили об этом.

Чтобы нажать новых слов и впечатлений, надо их проживать. Я не фантаст, во всяком случае, не на столько, чтобы описать жизнь разумной зеленой плесени в плену у злобных фиолетовых губок. И для обогащения впечатлениями, для пополнения словарного запаса и качества знаний о людях и себе, надо время от времени делать что-то совершенно неожиданное. Сегодня это будет тренинг.

Тренинг – всемирная народная забава. Если нечем заняться, то лишнее время и деньги легко пристроить на курсы по личностному росту или йоге, на трехдневную медитацию, контактную импровизацию (в народе КИ) или даже раскрепощающую секс-терапию. Пожалуй, последняя была бы нелишней, но как-то мне все не хватает смелости. Лучшие тренинги проходят в просторных залах, там много народу, хорошая команда тренеров, правильная работа с атмосферой... Мероприятия послабее арендуют школьные спортивные залы, резвятся как могут, иногда даже интересно, но без пафоса и слишком жестких правил. А мы попали на самый нижний уровень, почти домашний. Ребята сняли помещение у клуба родительской культуры. На стенках фотографии беременных и младенцев, везде разложены профильные журналы и разные забавные штуки для кормления и других манипуляций, о которых можно только догадываться. Павлина тут же решает приуныть. Дети – большая тема, а такие вот недвусмысленные намеки просто перекрыли ей доступ к кислороду и радости. Тут нужна активная психологическая помощь.

– Бобер, выдыхай, – прошу я и подтаскиваю Пашу знакомиться к тренерам. Ребята молодые, то есть мы примерно одного возраста. Автоматически регистрирую в себе квоту недоверия и старательно стираю из сознания этот файл. Чтобы не тратить время зря, надо доверять учителю, пусть даже это младенец.

– Вы пока отдыхайте, чай пейте, а мы подождем опаздывающих, потому что лучше начинать вместе, – девушку зовут Альбина, парня – Тарас. Они принадлежат к особой породе людей

без тела. Не как Налька иссохшие, а попросту бестелесные, и лица прозрачные, беловатые, и глаза без цвета. Похоже, они растворились в чем-то. Скоро узнаю, в чем.

Утром в субботу желающих приобщиться к откровению новой психотехники нашлось ровно семеро. Красивое число, но не четное, значит, парных танцев не планируется. Среди девушек, женщин и пожилых дам притаился один молодой человек, которого явно насильно привела похожая на сурикату подружка. Они стоят в стороне, и главная задача сурикаты удерживать самца от бегства. Тарас, понимая сложность момента, все речи обращает к пугливому товарищу. Грамотный ход.

Я спокойно проживаю вводную часть, когда мы валяемся по полу, перекатываемся и не слишком напрягаемся, все это под довольно заунывную музыку, так что в сон клонит почти всех. Это фаза расслабления, нас же нужно брать тепленькими. Мое сознание на стреме.

Пашка катается колбасой, полностью отдавшись процессу. У нее есть редкое свойство с ушами нырять в состояние, а у меня нет. Жду подвоха.

Теперь мы бодаемся головами, ползаем и бодаемся головами, потом вертикализируемся и обнимаемся, медленно раскачиваясь. Со стороны все это похоже на слет зомби. Мне смешно и неловко. Обнимать сурикат почти невозможно – они шарахаются, зато одна старушка меня крепко придушила, делясь по призыву Альбины любовью. Откуда только люди берут столько лишней любви? Так прошли первые два часа, за которые танцами даже не запахло, но противно не было, так что я потеряла бдительность.

– Сейчас будет играть музыка, мелодии и ритмы будут меняться, и мы будем называть вам шепотом разные образы. Пожалуйста, выразите их телом, – Тарас нажимает на кнопку, и я получаю некоторую возможность заняться тем, что мне действительно нравится, хотя похоже, что сложные па тут неуместны. Народ колышется без фанатизма... Альбина шепчет мне на ухо: «Сон». И я борюсь с желанием просто лечь без движения. А чего, собственно, бороться?

Мелодия меняется, мне никто команды встать не давал, продолжаю «спать», народ всячески что-то выделяет, Паша летает. Про меня забыли. Отлично. На пятой смене мелодии понимаю, что это они не по недогляду так со мной поступили, темп и ритм все активнее, а я должна притворяться спящей, хотя с трудом борюсь с внутренним резонансом. Гады, имейте совесть, обратите на меня внимание. Боже, меня сейчас просто разорвет, ведь играет Мелани Фиона и хрипловато поет про мое любимое утро понедельника. Садизм, вы не люди, вы звери, господа, вы просто звери!

Когда прекратится эта попытка... дышу, мне надо перебороть движение внутри, просто взять и перебороть. Мы будем спать, нам сказали, а правила надо соблюдать. Час, наверное, может, больше. На красивенной и радостной композиции Квинов мое сердце облилось кровью, но мука прекратилась и наступила тишина. Вокруг, как груши, падают обессиленные люди. А я поднимаюсь. Наверное, у меня сильно перекошенное лицо, но я с собой справлюсь.

– Мы даем вам десять минут, чтобы отдохнуть, и потом начнем разговор, – анонсирует Тарас, и они удаляются.

– Чего ты лежала? – старушка с крепкими объятиями оказалась самой любопытной.

– Мне сказали «Сон», – как можно спокойнее объясняю я.

– Так и нам сказали «Сон»... – Паша внимательно смотрит, как я осознаю свой идиотизм. Пока истерика перегорает, возвращаются тренеры, и я получаю дополнительную порцию впечатлений.

– Мы сейчас разговаривали о вас, и чуть позже каждый получит комментарий, но начать мы хотим с Саши, потому что это первый случай в нашей практике, – вот бы мне отсюда просто взять и уйти быстро-быстро. – Нам казалось, что подобного просто не может существовать, потому что это нерационально и удивительно, но сегодня ты нас убедила в обратном. Такой разрушительной покорности и такого приятия чужих правил представить просто невозможно. Причем ты сама усугубила эти правила в сторону, обратную твоим желаниям. Понимаешь?

Чего уж тут непонятного. Могла бы танцевать со всеми, изображая сон, а я решила пошутить, а они уничтожили смеховой момент на корню, чтобы не дать превратить семинар в балаган, а потом уже я придумала для себя невозможность встать и стала ей подчиняться. Вот тебе и раз...

– Мы будем работать с тобой именно над этим, поскольку эта проблема просто сияет. Вполне можем предположить, что остальные неприятности в твоей жизни только следствие подчинения правилам.

У меня мутно в глазах. Паше рассказали, что у нее зажаты плечи, в левой руке постоянное компенсаторное напряжение и еще много чего. Обнимающаяся тетка оказалась чуть ли не просветленной, а у сурикат проблемы с доверием. Остальные более или менее нормальные, а вот я уникам патологии. Поздравляю вас, Сашенька.

Остатки дня Тарас заставлял меня с ним бодаться в танце, противопоставляя каждому его движению мое обратное. Было любопытно, но в результате я опять получила по голове:

– Я несколько раз сделал связки, которые ты хотела повторить, но правила не позволяли и ты продолжала выполнять условия игры. Скажи, небо упадет на землю, если ты будешь следовать своим желаниям? Они же есть у тебя!

– Есть, – чего притворяться, он прав.

– Ты когда-нибудь сопротивляешься? – Альбина зрит в корень.

– Я не думала об этом. Наверное... Внутренне...

– И одновременно усиливаешь значимость внешних воздействий. Ты опаздываешь на встречи? – сегодня миссия Тараса пробить мои стенки.

– Нет, стараюсь не опаздывать. Если не получается прийти вовремя, очень нервничаю.

– Подумай сегодня о том, кто выстраивает для тебя правила, и нарушь хотя бы одно. Это твое домашнее задание. Поняла? А скажи, ты водишь машину?

– Да.

– Тебя часто останавливает ГАИ?

– Один раз за всю мою водительскую историю, случайно, и отпустили... Черт...

– Отлично, ты поняла.

Пользователь acedera 5 марта 2011 года 14:17

У даунов на Владимирской вчера ночью накрылся сервер. Были бы они простыми нормальными людьми, я бы об этом до утра и не узнал! Не буди сисадмина: прилетит – не поймаешь... Народ знает. Эти нет. Они занимаются ценными бумагами и работают с восточными рынками. Пришлось ехать и в три часа ночи поднимать этот долбаный сервак с колен. А потом у них же отказался печатать принтер. Может, это им такой кармический намек: вы занимаетесь туфтой?

Закрытая запись пользователя acedera

5 марта 2011 года 14:22

Понятно, что я не спал, ясно, что на йогу не попал, потому что в девять, когда она началась, я выползал из метро. Сейчас заставлю себя раздеться и уснуть.

Чтобы немного расслабиться, порылся в Интернете, оказывается, та картина задела не только меня. Похоже, что это какой-то проект, причем анонимный. Народ в предвкушении продолжения. Почему-то я не сомневаюсь, кто автор. Саша всегда придумывала странные вещи. Как-то она стала рассказывать, что общается с героями фильма «Бесконечная история», что видит башию из слоновой кости в облаках и всякие такие странности.

Я ей не верил, никто ей не верил, но мы не могли доказать, что этого не существует. Мы ходили за ней как привязанные, наверное, это такое младенческое сектантство, потому что постепенно ее вера разрушала наш скепсис.

Мне нравилось слушать, как она рассказывала, потому что каждое ее слово вызывало образы, похожие на видения, такие мощные, что невозможно сравнить с чем-либо еще. Часто мы сидели в моей комнате на даче, она была узкая, и помещались только кровать и стул – такое защечное пространство дома. Наверное, у Ван-Гога была очень похожая. Брату отдали большую комнату наверху, потому что к нему приходили друзья и он был взрослым. Мы с Сашей играли в карты. Самая любимая игра у нас была «пьяница», потому что там вообще не было правил, точнее они были элементарные, и оставался только чистый азарт. Она волновалась, кричала, хваталась за голову руками, ругалась, хохотала... она была первой женщиной-стихийей, которую я встретил в своей жизни.

Текст выплескивается из меня неравномерно. Иногда могу писать запойно, не вставая из-за стола, словно живу внутри, а только руки остаются на поверхности, и в этом состоянии можно путешествовать, знакомиться с людьми, встречать себя и видеть в зеркале, умирать и воскресать, если не понравилось быть мертвой, потому что любое слово, любую букву можно стереть. Только что был персонаж – и вот он лишь воспоминание. Вот герой сходил с ума по героине, а через секунду он ее даже не замечает. Все в моей власти, и это опьяняет.

Но сегодня трезвость, полная и нерушимая, плотная и непробиваемая. Размышления о законах и правилах не дают расслабить реальность и войти в мир грез, воздух на границе миров твердый, каменный. Творчество отменяется.

Самым классным нарушением правил будет отказаться от семинара вообще. Это я не только нарушу все, что можно, я им покажу, какие они молодцы. Но, с другой-то стороны, это ребячество. Неужели мне надо превышать скорость, приносить людям неудобства своими опозданиями или странным поведением? Какое правило я должна нарушить, чтобы мне легчало сразу и навсегда?

Опережая достижения психологов, достаю белый лист бумаги и ручку. Сейчас я напишу все свои принципы, которые нерушимы. По ночам мне всегда думается легче. На город упал холод, которого уже никто не ждал, и ночь кажется непробиваемой. Оглядываюсь по сторонам и вижу беспорядок. Скорее всего, я подсознательно компенсирую внешним бардаком внутренний идеальный порядок. Странный набор вещей в сумке или в шкафу – это не следствие моей неорганизованности, а спрятанный протест против правил, который я никогда не осознавала. Отлично, многое становится понятнее.

«Правила, которые мешают мне жить:

1. Если начала, доделать до конца.
2. Делать все лучше всех.
3. Не причинять неудобств окружающим.
4. Быть честной.
5. Не брать чужого.
6. Не навязываться.
7. Давать, если попросят.
8. Предлагать первой, чтобы не заставлять людей просить.
9. Не повторяться».

Недотянула до десяти заповедей. А теперь доводим все это до абсурда, потому что именно этим я и занимаюсь, и получаем человека, который старается быть незаметным, доказывает, что ему ничего не нужно, отдает все, что имеет, не требуя ничего взамен. Мы видим

нетактичного из-за феноменальной честности трудоголика. И вопрос, почему это существо несчастно, уже не встает. Разумеется.

Утром Паша наблюдает меня в разобранном состоянии. Эффект превзошел все ожидания. На вопрос о нарушенном вчера правиле я ответила правду: я нарушила ваше правило – я ничего не нарушила. Дзен, правда?

Больше откровений не было, потому что я просто старалась прислушиваться к своим желаниям и существовать спонтанно. Получалось неплохо, но надо было еще довести это все до ума, до совершенства, до абсолюта. Дорогая, ты бы остановилась... Границы миров опять прозрачны, и я погружаюсь в героя.

Пользователь acedera 8 марта 2011 года 02:19

*Дорогие бабы, с праздником имени Клары Цеткин и Розы Люксембург!
Цветов желтых, шоколада горького и мужика живого))))))*

Закрытая запись пользователя acedera

8 марта 2011 года 02:21

Славка прислал ссылку на новую картину. Опять на улице, опять никто ничего не объясняет. Стоит себе и стоит. Еще видео про то, как пытались украсть первую, но ее отбили красная панда и древесный кенгуру – ребята в промоутерских костюмах. Смешно до колик, но, похоже, что это постановочный ролик, хотя и снят как бы на мобильный телефон. Все это напоминает игру, хотя ее смысла я не вижу и правил тоже понять не могу.

Сегодня же этот отвергательный праздник с желтыми мимозами и истериками в цветочных магазинах. С одной стороны, можно им воспользоваться как поводом, а с другой... Достали эти глаза, полные влажного желания, особенно мерзко, когда все так предсказуемо. Прилипают, требуют, хотят, а я устал. Слышите, бабье, устал я от вас. Каждая считает, что ей известно, как я должен поступать. Тут надо бы меня подправить, а тут вот я молодец, но не до конца, потому что живу без цели.

Дорогие женщины, поймите все и разом, что моей целью никто из вас никогда не будет, потому что это скучно. Давайте, пять комментов от разъяренной публики. «Да еще в такой день!», «Что ты себе позволяешь!», «Может, ты просто латентный гомик!», «Женщина – это подарок судьбы!», «Еще запоешь иначе!»

Такой вот день. Хороший.

Приближение дня всех влюбленных – это печальный садизм. Уровень самоубийств четырнадцатого февраля особенно высок, значит, не только мне грустно. Ни одной валентинки за всю жизнь, это при том, что я была не в монастыре. Я умудряюсь расстаться с человеком и иллюзиями по его поводу как раз накануне этого заветного дня. Открытки и нежные письма присылают только подружки, но тут уж извините, не могу я сделать главный и решительный шаг, хотя было бы вполне логично. Как лесбиянка я была бы завидной партией... наверное...

В этот страшный день не надо выходить из дома – там везде целующиеся люди с шариками, цветами и счастьем на лицах. Я завистливая, мне плохо. Лучше делать вид, что все как обычно, не включать телевизор, не контактировать с миром. Тем более что мне никуда не надо, только работать и работать. Первый щит доделан, второй начат, но не додуман окончательно. Под окном расстелена карта, на которой я отмечаю места расстановки объектов. Когда пропадает запал, сажусь писать пресс-релизы. Занятие скучное, но необходимое, а то как пресса поймет, что у нее под носом случилось рождение нового искусства?

Вчера отправила двух студентов выбирать костюмы для видеоперформанса. Они клятвенно обещали купить что-то забавное, а в итоге заказали из Кореи таинственных зверей. Красная панда и древесный кенгуру... В страшном сне такое не приснится. На мой ошарашенный вопрос «почему» они подвели доказательную базу и продемонстрировали количество запросов в сети по этим зверям. Фантастика. Я отстала от жизни. Три (от дерева) кенгуру... один три кенгуру¹... Диалоги видеосюжета становятся примерно ясны. «Случайно снятое видео» должно быть до секунд отрететировано, потому что два дубля на глазах у изумленной публики сделать нельзя. Во что я вписалась... хотя это прекрасно, ни о чем другом не надо думать.

Мамин трубоч не был шуткой. Она действительно нашла мне оркестр, который согласился играть у картин вахтовым методом, чтобы привлечь людей, только я пока не понимаю, надо это или нет... Правил-то нет, вот и мучайся.

«С днем святого Валентина» незамутненно желает мне телефон за подписью Игоря. Прекрасно. Вот можно сидеть и перевариваться в собственном соку тоскливой австралийской креветкой, а можно провести вечер, ночь и часть утра в компании мужчины. Вопрос на несгораемую сумму: что выберет Саша? Подсказка зала или звонок другу? Паше звонить бесполезно, она на Игоре отгачивает виртуозные ругательства, поэтому даже затеваться не стоит. А я, видимо, хочу, чтобы мне дали индульгенцию на безрассудство и преступление против бессмертной души. Но дальнейшее развитие событий представить себе несложно: я поддамся порыву, а потом буду жалеть весь следующий год. Или не буду. Вот первое глобальное правило, которое я разобью вдребезги. Ничего никому не обещаю, просто получу несколько граммов удовольствия, отделив понятие вселенской и светлой любви от остальных, менее радужных понятий.

Отлично представляя себе последствия, предлагаю выпить кофе недалеко от моего дома. В одиннадцать часов вечера четырнадцатого февраля... Почему нет?

*Закрытая запись пользователя acedera
8 марта 2011 года 22:54*

Пошел на Петроградку искать вторую картину; там, где она вчера стояла, пусто. Там была нарисована церковь, которой нет. Почитал на доске объявлений в Матвеевском сквере, что должны восстановить разрушенный собор. Наверное, идея в том, чтобы нарисовать то, чего больше нет. Простая такая мысль, на троечку. Ни политики, ни скандала – а зачем еще делать эти публичные акции?

Походил по дорожкам, на детскую площадку зашел – качели всякие новые. Саша жила недалеко отсюда, когда переехала с окраины. В самом глубоком детстве наши дома были через залив: у нее на Юге, у меня на Севере. Теперь построят западный скоростной диаметр, можно будет доехать за полчаса. Раньше вообще непреодолимые расстояния, поэтому только летом и встречались. А потом они переехали на Большой проспект, и в школу пошла на Миллионную. Почему помню – когда мы в художке учились, гуляли после занятий пешком до ее дома с канала Грибоедова, а потом я на метро ехал к себе. Через этот садик всегда проходили.

Был один раз, когда она мне рассказала про своего учителя, который ей нравился в школе. Она его в таких восторгах описывала. Он и по-французски, и по-гречески, и на латыни, а еще на гитаре играет, а еще... меня такая злоба взяла. Я ее не любил, но разъярился тогда страшно. Слова сказать не мог. А вечером приехал домой и взял у брата гитару и стал тренькать что-то.

¹ one tree kangaroo.

Не вставал просто недели три, научится там Ат, Дт – самое примитивное, и пришел в художку с гитарой, чтобы видели, какой я крутой. А Саша не пришла тогда, а вечером позвонила и была вообще чужая – я понял, что произошло что-то такое – огромное, но не стал спрашивать. Чего было докапываться, если мне как бы все равно. Но это я так соврал себе.

Зачем я это все пишу? Никто не читает и читать не может, никто даже не представляет, что я могу думать мысли длиннее трех слов. Почему здесь? Ну, видимо, это такая вот попытка отделиться от себя. Здесь я понимаю то, чего не знал в себе. И еще большая экономия на психотерапевте.

И никаких угрызений совести утром. Встала и пошла, как новая. Чистая и прозрачная, ничего не помню, ни о чем не жалею. Просто представляла себе другого человека. Как получается, что чем равнодушнее, тем все проще? Попробуй кого-нибудь полюбить по-настоящему, получаешь комья горечи, выжженную лазером дырку в районе сердца и невроз при стандартном развитии событий. А тут даже не вздрогнула. Ушел Игорь и ушел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.